

HAL
open science

Перевод и развитие политического языка в России XVIII Века

Sergey Polskoy, Vladislav Rjeoutski

► To cite this version:

Sergey Polskoy, Vladislav Rjeoutski. Перевод и развитие политического языка в России XVIII Века. Sergey Polskoy (dir); Vladislav Rjeoutski (dir.). Лаборатория понятий: перевод и языки политики в России XVIII века, *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, pp.7-102, 2022, *Studia Europaea*, 978-5-4448-1762-9. ⟨hal-04456230⟩

HAL Id: hal-04456230

<https://hal.science/hal-04456230>

Submitted on 13 Feb 2024

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire HAL, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Distributed under a Creative Commons Attribution - NonCommercial 4.0 International License

Сергей Польской, Владислав Ржеуцкий

ПЕРЕВОД И РАЗВИТИЕ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА
В РОССИИ XVIII ВЕКА¹

Настоящая книга объединяет исследования, представленные в виде докладов на конференции «Перевод общественно-политической литературы и формирование языка „гражданских наук“ в России (конец XVII — начало XIX века)», которая прошла в Германском историческом институте в Москве (ГИИМ) в феврале 2017 года. Она была организована в рамках проекта ГИИМ «Трансфер европейских общественно-политических идей и переводческие практики в России XVIII века» под руководством Сергея Польского (НИУ ВШЭ, ИВИ РАН) и Владислава Ржеуцкого (ГИИМ). Проект финансировался ГИИМ в 2015–2019 годах и совместно ГИИМ и Центром истории России Нового времени НИУ ВШЭ с 2020 года. Цель проекта — исследовать процесс трансфера, адаптации и рецепции главных

¹ Часть I вступления написана С. В. Польским, часть II — В. С. Ржеуцким, часть III — совместно С. В. Польским и В. С. Ржеуцким. Мы благодарим за ценные замечания (в алфавитном порядке) А. А. Костина (Пушкинский Дом, НИУ ВШЭ), Г. Маркера (Университет Стони Брук, Нью-Йорк), В. А. Мильчину (Институт высших гуманитарных исследований имени Е. М. Мелетинского РГГУ и Школа актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС), К. А. Осповата (Университет Висконсина-Мэдисона), Д. А. Сдвижкова (ГИИМ) и И. Ширле (Университет Тюбингена). Мы хотели бы также выразить свою благодарность В. Е. Попову (ГИИМ) и Е. А. Кушкову (НИУ ВШЭ), при непосредственном участии которых создавались как база данных печатной продукции в России XVIII века, так и графики, которые помогают визуализировать эти данные, и некоторые статистические таблицы, которые мы приводим. См. подробную статистику и графики на сайте проекта: <https://krfp.dhi-moskau.org/ru/page/intro> (последнее обращение — 07.08.2021). Мы хотели бы также выразить свою благодарность»: М. Л. Сергееву за помощь в составлении указателей.

европейских политических идей и понятий в России XVIII века через обращение к переводу общественно-политических текстов. Этот проект продолжает исследования ГИИМ в области истории понятий — в частности, проект «История понятий и историческая семантика», которым руководили Ингрид Ширле и Денис Сдвижков, — особенно в сфере методологии, но на новом материале.

Исходной точкой проекта является предположение, что политическая терминология в русском языке XVIII века рождалась в процессе перевода, когда понятия обретали свое специфическое значение в конкретных социальных и политических контекстах. Действующими лицами этого процесса выступали переводчики, заказчики переводов и читатели, которые создавали и осмысливали новую политическую лексику, преобразующую семантическое поле русского языка. Нас интересует не только сам процесс перевода, понимания и адаптации европейской политической терминологии, но и распространение, чтение и использование печатных и рукописных переводов «политических» сочинений в России XVIII века. Одна из важнейших исследовательских задач проекта — описание обширного круга русских рукописных и печатных переводных сочинений этой эпохи; именно такую цель преследует сайт проекта — «Корпус русских переводов общественно-политических сочинений»¹, который был открыт осенью 2020 года.

Во вступительной статье мы рассмотрим ряд взаимосвязанных вопросов. Кратко обозначив наше исследовательское поле, мы покажем, в чем заключаются особенности «переводческого поворота» в гуманитарных науках и каковы были основные этапы в исследовании перевода. Где пролегают границы сферы политического в XVIII веке и каково место перевода в развитии политического языка в России этого времени? Какую роль играли переводчики и читатели переводов в формировании новой лексики в эту эпоху? Чтобы понять место перевода среди всей печатной продукции, увидевшей свет в России XVIII века, и место «политического» перевода среди других русских переводов, мы рассмотрим статистические данные о русском книжном

¹ См. <https://krp.dhi-moskau.org> (последнее обращение — 07.08.2021).

рынке, полученные в ходе реализации проекта. В последней части вступления мы кратко остановимся на статьях, собранных под этой обложкой, чтобы показать, с каких позиций и на каком материале авторы книги изучают перевод в России XVIII века и какие вопросы они поднимают в своих исследованиях.

I. ПЕРЕВОД И ГРАЖДАНСКАЯ НАУКА

Стремясь познать свое социальное бытие и понять политические институты и процессы, люди используют языки описания разной сложности. Эти языки, репрезентируя постоянно усложняющийся мир социальных отношений, постепенно достигают определенной степени абстракции; вырабатывается понятийный аппарат, который представляет зафиксированное в языке осмысление политического порядка и в то же время предписывает определенное отношение к нему. Таким образом, дискурсивное знание конструирует понятия, идеологические «фикции» («государство», «общество», «народ», «нация» и так далее), которые становятся частью дискурсивных практик и играют определяющую роль в повседневном функционировании властного порядка. Несомненно, что становление подобного языка связано с культурными и социальными особенностями каждого общества, однако процесс обмена и заимствования идейных и концептуальных форм во многом способствует развитию новых способов осмысления общественной жизни. Как известно, «диалог культур» ведет к изменению языкового поля, что уже само по себе отражает трансформацию культуры¹. Таким образом, «национальные» культуры всегда формируются и развиваются в процессе перевода, диалога и взаимообмена.

История русского XVIII века может служить тому блестящей иллюстрацией. Это был переломный этап в развитии русской

¹ Обобщая положения ряда теоретиков постколониальных и переводческих исследований, Дорис Бахман-Медик пишет, что «культуры формируются в процессе перевода и за счет сложных явлений наложения и переноса, возникающих в каждом отдельном случае культурного сопряжения в неравных условиях распределения власти в мировом обществе». См.: *Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / Пер. с нем. С. Ташнекова. М., 2017. С. 294.*

светской культуры и становлении нового общественного сознания. Немаловажную роль в этом процессе сыграло принятие и использование западноевропейских идей и практик. Хотя эти тенденции становятся очевидными еще в XVII веке, новое столетие приносит существенные изменения. Важнейшими посредниками в культурном трансфере оказались переводчики, которые в связи с насущными требованиями времени переводят больше и чаще, чем их древнерусские предшественники. При этом расширяется как репертуар переводных сочинений — от научных и технических руководств до философских трактатов и поэтических сочинений, — так и круг читателей этой литературы: от придворных и иерархов церкви до провинциальных канцеляристов и мещан. И хотя большинство переводов политической литературы создается не для широкой публики, а для пользования «статских мужей» или распространения в узком кругу «знатоков», переводная книга пересекает социальные границы и находит себе читателя в широких слоях грамотного населения.

Историки современного русского языка уже давно пришли к выводу, что его формирование шло в контексте сближения «конструктивных форм русского языка с системами западноевропейских языков»¹, открытости иностранным заимствованиям (в отличие от церковнославянского в эту эпоху)² и, наконец, конструирования нового языкового стандарта в процессе переводческой деятельности³. Соответственно, становление нового рационального светского общественно-политического языка в России XVIII века было связано с активным переводом политико-правовой литературы, начавшимся в петровскую эпоху.

Однако сам процесс перевода включал в себя не только тексты и не может быть рассмотрен исключительно в лингвистической плоскости, несмотря на всю ее значимость. Изучение отдельных элементов текста (понятий) в рамках теории трансфера также не может дать полного представления о переводе как

¹ Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. 3-е изд. М., 1982. С. 57.

² Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994. С. 115, 117.

³ Живов В.М. История языка русской письменности: В 2 т. Т. 2. М., 2017. С. 993, 1019.

межкультурном явлении. «Культурный поворот» (*cultural turn*) в гуманитарных науках, пришедший вслед за «лингвистическим поворотом», заставил исследователей обратиться к проблеме перевода с иной, комплексной точки зрения. Расширение самого понятия «перевод» в рамках этого «поворота» позволяет исследователям рассматривать его как метафору культуры и переориентироваться от изучения перевода отдельных семантических единиц и текстов к рассмотрению перевода в широких рамках дискурсивных практик. В этом понимании перевод становится не только универсальной формой транснационального взаимодействия идеями и практиками, но и способом интерпретации самой «переводящей» культуры, ее составной частью, репрезентируя внутреннюю статику и динамику мировоззренческих основ, значений, смыслов и картин мира. Проще говоря, перевод открывает нам новые способы понимания культуры и ее особенностей. Собственно, введение понятия «культурный перевод» (*cultural translation*) и его отделение от традиционного текстуального (лингвистического) подразумевает те концептуальные изменения, которые наметились в современной гуманитарной науке. Перевод перестал рассматриваться как простой перенос слов (или их значений) из одного языка в другой, в широком смысле он подразумевает присвоение (или переосмысление) образов мышления, картин мира и культурных практик. Контекст возникновения перевода и его использование в «принимающей» культуре позволяют обратиться к изучению тех исторических дискурсивных формаций, в которых развивается культура. Таким образом, изучение перевода ведет нас к разговору о самосознании и проблематизации культуры, которая являет себя в восприятии тем, идей и смыслов другой культуры¹.

Ниже мы будем говорить о переводе в этом понимании, поэтому тема нашей книги охватывает довольно обширный круг исследовательских вопросов, которые включают в себя перевод как дискурсивную практику и культурную технику самопостижения культуры в определенную историческую эпоху.

¹ О «культурном повороте» в области перевода см.: Bassnett S. The translation turn in Cultural Studies // Translation, History and Culture / Ed. by S. Bassnett, A. Lefevere. L., 1990. P. 123–140; Рут А. Exploring Translation Theories. 2nd edition. L.; N. Y., 2014. P. 139–157; Бахманн-Медик. Культурные повороты. С. 283–322.

Центральный вопрос книги, вокруг которого переплетаются все основные сюжеты наших авторов, — это перевод как культурная практика и способ присвоения знания, в данном случае знания о власти и об устройстве общества. Мы обратимся к переводу в его расширенном значении, в контексте становления светского рационального знания об обществе и государстве, которое можно описать как «политическую науку», но, избегая прямых ассоциаций с современным узким значением этого понятия и опираясь на терминологию изучаемой эпохи, следовало бы назвать «гражданской наукой» или «художеством политическим» (*scientia civilis/scientia politica/ars politica*). Эта «наука» была призвана говорить с членом общества («подданным», «гражданином», «сыном отечества», «статским мужем») о предназначении, истории, устройстве и механизмах управления «гражданского общества» (*societas civilis*)¹ и должности самого гражданина (*civis*) в нем². *Scientia civilis* и *scientia politica* использовались как синонимы, прямо восходя к понятию *politikê epistêmê* Аристотеля, который видел в нем учение об «общем благе»³. Уже у Цицерона «гражданское учение» рассматривалось

¹ Понятие «гражданского общества» в эту эпоху отражало представление о государстве и обществе как неразрывном единстве. См. о значении этого понятия в XVII–XVIII веках: Ридель М. Общество, гражданское (Gesellschaft, bürgerliche) // Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи в 2 т. Т. 2 / Пер. с нем. К. Левинсона. М., 2014. С. 94–95, 123–128.

² Так в русском переводе «Philosophiae moralis» Христиана Баумейстера (1747) можно было прочесть: «А что человек, по колику он гражданин, делает или чего удаляться должен, учит его тому Политика или Градомудрие <...> Политика есть наука преподающая правила, по коим действия человека, по колику он, яко гражданин, живет в сообществе, управляемы и располагаемы быть должны». См.: Христиана Бавмейстера Нравоучительная философия в пользу благородного юношества. Переведена с латинского Сухопутного шляхетного кадетского корпуса учителем Иваном Исаевым. СПб., 1783. С. 7.

³ Аристотель. *Ēthika Nikomacheia*. I.3. У Платона и Аристотеля *epistêmê* (знание) сближается с понятием *techné*, поэтому в латинском может быть и *scientia politica*, и *ars politica*. Подобные синонимы возникают и в новоевропейских языках — например, в итальянском *l'arte del Regnare*. Для Платона искусство политика подобно ремеслу архитектора или даже ткача: он должен хорошо разбираться в своем деле, что невозможно без длительного обучения и склонности; это «царственная наука» плетения или ткачества, «таковое-то соткание всех сотканий превосходнейшее она совершивши, одевает их [градоправителей] и прочих во граде живущих, яко рабов, тако и свободных; и начальствуя над гражданством так, что не оставляет нигде ничего споспешествующаго

как искусство участия гражданина в управлении политическим сообществом¹. В этом же значении понятие «политическое искусство» попало в Россию начала XVIII века и стало использоваться в переводах и оригинальных сочинениях вместе со своими синонимами. Сам Петр I поручил перевести политический трактат Самуэля Пуфендорфа, поскольку прислушивался к мнению людей, «в том наученных искусстве»². Русские читатели могли обнаружить разговор об этом «искусстве» в предисло-

к соделанию граждан благополучными и блаженными». (См.: Платон. Политик. 308d, 311b–c; цит. пер. М. Пахомова и И. Сидорского: Градоправитель // Творений велемудраго Платона части вторья первая половина. СПб., 1783. С. 414.) Сравнение с ткачом использует испанский король Филипп II, продолжая метафору Платона: «Упражнение государя великое имеет сходство с искусством ткача, что и действительно правда, ибо сей художник наружность, казалось бы, имеет весьма великой покой при своих трудах, однако в самом деле хотя и сидя работает, руками, ногами, ртом и всем корпусом, и так в государе некакой душевной силы быть не надлежит, которая б не упражнялась безпрестанно в добropорядочном правлении своего государства и произведении пользы и покоя подданным». См.: НИИ СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. № 798. Политические мнения о должности такого короля, которой следует законам сущаго мещанина. Л. 7 — 7 об.

¹ У Цицерона как синонимичные используются понятия *civilis scientia* (De re publica, I.193), *rerum civilium scientia* (De re publica, I.11), *administrandi scientia* (De finibus bonorum et malorum, V.58), *regendae rei publicae scientia* (De oratore, I.201; I.214), *scientia in foedibus, pactionibus, condicionibus populorum, regum, exterarum nationum* (Pro L. Cornelio Balbo, 15). Все они обозначают знания, необходимые для участия в управлении «республикой» (полисом как сообществом граждан, объединенных общими целями), или знание «гражданских» дел, то есть всего, что касается сферы политической жизни. В историографии есть несколько точек зрения на то, вокруг чего была организована *civilis scientia*: так, Дональд Келли полагает, что это было римское право, точнее *ius civile*; Маурицио Вироли и Квентин Скиннер обнаруживают политическое знание в раннее Новое время как вид риторического искусства, а Софи Смит полагает, что «гражданское учение» — это целая теоретическая традиция, воздвигнутая на основе комментирования аристотелевской «Никомаховой этики» и «Политики». См.: Kelley D. Civil Science in the Renaissance: Jurisprudence in the French Manner // History of European Ideas. 1981. № 2. P. 261–276; Viroli M. From Politics to Reason of State. Cambridge, 1992. P. 26; Skinner Q. «Scientia civilis» in classical rhetoric and early Hobbes // Political Discourse in Early Modern Britain / Ed. by N. Phillipson and Q. Skinner. Cambridge, 1993. P. 67–96; Smith S. The Language of «Political Science» in Early Modern Europe // Journal of the History of Ideas. 2019. Vol. 80. № 2 (April). P. 203–226.

² Гавриил Бужинский сообщает об этом читателям в своем предисловии к переводу Пуфендорфа. См.: Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному. СПб., 1726. С. 8.

вии переводчика («политика истинная есть искусство управлять государством»), в переводе известного памфлета («искусство государствования») или в сборнике наставлений, где есть прямой аналог *scientia civilis* — «наука до Гражданства»¹. Таким образом, благодаря переводным текстам разговор о гражданской науке становится возможным для русской культуры XVIII века.

От текстуального к культурному переводу

В последние время все чаще говорят о «переводческом повороте» (*translation turn*) в гуманитарных науках, благодаря которому «перевод оказывается новым основополагающим понятием наук о культуре и обществе»², а его расширенное понимание ведет к пересмотру старых подходов к практикам перевода. Действительно, переводческие исследования (*translation studies*) постоянно расширяют свое исследовательское поле и становятся важнейшей частью современной интеллектуальной и культурной истории. Как могут культуры взаимодействовать друг с другом, каким образом передаются информация и технологии, как осуществляется трансфер знаний и, наконец, что и почему «теряется» при переводе?

В XX веке объектом переводческих исследований были, прежде всего, переводы известных классических текстов, а сам перевод рассматривался как способ кодирования и декодирования значений с помощью знаков. Лингво-семиотический подход к переводу рассматривал культуры как знаковые системы, а обмен информацией между ними как процесс декодирования значений в рамках иной знаковой системы. У Джорджа Стайнера герменевтический и лингво-семиотический подходы привели к комплексному осознанию культуры как формы переноса смыслов во времени и пространстве, а перевод рассматривается им как универсальная модель коммуникации внутри самой культуры³. К сходным идеям пришел Ю. М. Лотман, который считал, что перевод присутствует в любом обмене сообщениями

¹ НИОР РГБ. Ф. 256. Д. 432. Тестамент политической. Л. 6 — 6 об.; Там же. Ф. 310. № 885. Ведомости Парнаския. Л. 265 об.; ОР РНБ. Ф. 550. F.II.65. История политична. Л. 56.

² Бахманн-Медик. Культурные повороты. С. 283.

³ Steiner G. *After Babel: Aspects of language and translation*. 3rd ed. Oxford, 1998.

внутри культуры, а поскольку знаковые системы индивидов не обладают полной тождественностью, перевод становится «элементарным актом мышления»¹. В то же время Лотман развивал идею Д. С. Лихачева о «трансплантации» как форме культурного переноса текста, который начинает жить своей жизнью на новой почве². Но если для Лихачева трансплантация выступает исключительным признаком средневековой культуры, поскольку текст в рамках рукописной традиции не имел «окончательного вида», то для Лотмана она возможна в разных исторических культурах как универсальная модель присвоения не только текстов, но и практик, бытового поведения и форм мышления. В этом отношении множественность языков культуры обеспечивает диалогический характер перевода, результатом которого почти всегда является создание нового текста, а эквивалентность при переводе никогда не выступает как тождество³.

Однако перенос текста из одной знаковой системы в другую невозможен без конкретных людей, которые занимались бы его декодированием и интерпретацией. Переводчики имеют свои цели и стратегии, обладают языковыми знаниями, политическими взглядами и занимают определенные социальные и идеологические позиции. Рассмотрение перевода как коммуникативного акта привело к постановке вопроса о социологии перевода и расширению исследовательского поля и самого понятия перевода. Теперь важно было изучать не только сами тексты, но и агентов коммуникативного обмена — переводчиков,

¹ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996. С. 193.

² О понятии «трансплантация» см.: Лихачев Д. С. Текстология на материале русской литературы X–XVII вв. М.; Л., 1962. С. 53–94. Лихачев видит ключевую особенность трансплантации в том, что памятники, перенесенные из иной культуры, «изменялись, приспосабливались, приобретали местные черты, наполнялись новым содержанием и развивали новые формы». В этом случае и в ситуации отсутствия авторства перевод вел к продуцированию новых текстов, поэтому нельзя делить древнерусскую литературу на «оригинальную» и «переводную»: «переводная литература была органической частью национальных литератур; она не имела четких границ, отделяющих ее от литературы оригинальной. Переводчики и писцы по большей части были соавторами и соредакторами текста». *Он же*. Развитие русской литературы X–XVII вв.: эпохи и стили. СПб., 1998. С. 21–22.

³ Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2010. С. 590–602.

заказчиков, патронов, переписчиков, типографов и читателей. Таким образом, история перевода стала историей культурного трансфера. Само понятие «культурного трансфера» ввел Мишель Эспань¹, который, соединяя герменевтику и социологию культуры, выходит за рамки традиционной истории перевода². Эспань полагает, что, переходя из одного культурного контекста в другой, переведенный текст часто приобретает новое звучание и выступает в новом качестве, отражая проблематику той культурной ситуации, в которую он попадает, однако не теряя при этом полностью своего первоначального смысла. Деятельность переводчиков и собственно те вопросы, которые вставали перед ними, вели к трансформации языкового поля, в котором они работали. Привнося новые идеи и смыслы, терминологию и понятия, они трансформировали не только язык, но и сознание читателей. Утверждая, что «культурный трансфер можно представить как перевод», Эспань отмечает у исследователей «примечательное отсутствие интереса к самим условиям перевода, то есть к переводчикам»³. Важно, что Эспань старается отойти от традиционного в историографии понятия «влияния», чтобы подчеркнуть взаимодействие разных сторон в процессе трансфера и первичное значение «принимающей культуры» в присвоении информации. Собственно культурный трансфер определяется не экспортом, а потребностями культуры-реципиента. Но подобные потребности стоит, как нам кажется, связывать не столько с нациями или культурами, которые являются слишком широкими и размытыми для анализа понятиями, а прежде всего с определенными социальными группами (или даже конкретными акторами внутри этих групп) в тех или иных культурах.

¹ См.: *Espagne M., Werner M. (Dir.). Transferts: Les relations interculturelles dans l'espace franco-allemand (XVIIIe et XIXe siècle)*. P., 1988; Эспань М. История цивилизации как культурный трансфер / Пер. с фр. Е. Е. Дмитриевой. М., 2018.

² Казалось бы, определение культурного трансфера как процесса «переозначивания (ресемантизации), который сопровождает переход культурного объекта из одного пространства в другое», возвращает нас к лингво-семиотическому подходу, однако Эспань уточняет, что социология трансфера не менее значима, «поскольку свободное движение объектов, книг, доктрин или эстетических форм не находит своего объяснения без посредников». Эспань. История цивилизации как культурный трансфер. С. 685–686.

³ Там же. С. 45.

Светские, церковные, академические или образовательные институты разных уровней и те лица, которые их представляют, обращаются к переводам и заимствуют новые концепты в связи со своими наличными потребностями, вызванными условиями их социальной реальности. Именно насущная потребность, возникающая в рамках принимающей культуры, заставляет агентов культурного трансфера обращаться к интеллектуальному опыту чужой культуры. Поэтому чаще всего инициатором культурного трансфера выступает «принимающая культура», поскольку перенос идей, понятий и образов основывается на особой избирательности, обусловленной предпочтениями и интересами представителей образованных социальных групп¹. Выбор объекта для перевода не может быть случайным, даже сама «случайность» выбора говорит нам о его ситуационной ограниченности и культурной обусловленности.

Этот социокультурный подход, введенный Эспанем, развивается в современных исследованиях переводов, где все большее внимание уделяется их «внетекстовому» изучению, а именно — коммуникации между автором-«источником», переводчиком-читателем, переводчиком-«рерайтером» и целевым читателем перевода².

Еще более широкое понимание перевода появляется в развитии понятия «культурного перевода» (*cultural translation*), возникшего в переводческих исследованиях в 1990-е годы. Перевод в рамках этой концепции выполняет роль «негоциации» между

¹ Впрочем, в одно и то же время параллельно могут сосуществовать разные модели циркуляции знания, и наряду с активными запросами принимающей культуры возможны другие формы распространения идей и смыслов. Важную роль в этом процессе могут играть миссионерская или имперская модели, в которых принимающая культура играет второстепенную роль, выступая объектом для культуртрегера. Однако степень усвоения принимающей культурой навязанных таким образом моделей остается дискуссионной. Представляется, что именно наличие «внутреннего спроса» может определить востребованность и усвоение приносимого знания в принимающей культуре.

² *Boutcher W. From Cultural Translation to Cultures of Translation? Early Modern Readers, Sellers and Patrons // Demetriou T., Tomlinson R. (Eds). The Culture of Translation in Early Modern England and France, 1500–1660. L., 2015. P. 23.* Из последних работ о деятельности русских переводчиков раннего Нового времени см.: Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия: материалы межд. научн. конф. (Москва, 12–13 сентября 2019 г.). М., 2019.

культурами, предполагающей сложное взаимодействие, обмен идеями и последующее изменение их значений в рамках «принимавшей культуры». По мнению Питера Бёрка, «культурный перевод» — это не просто целостный перенос информации из одной знаковой системы в другую, не одномоментное решение конкретной проблемы (перевод понятия или передача точного значения), а скорее компромисс между разными культурами, предполагающий потери, недопонимание, уступки, оставляющий путь для новых переговоров и решений. Поэтому каждый перевод историчен, он несет в себе отражение уникальной и изменчивой ситуации взаимодействия¹. При этом «переводчик» выступает как активный и творческий агент в процессе культурного перевода, именно он конструирует текст заново, создавая эквиваленты переводимых понятий. Маргрит Пернау отмечает, что перевод глубоко укоренен в социальном взаимодействии и властных отношениях, он служит индикатором культурных доминант и стереотипов, существующих в обществе. В этом смысле «потери при переводе» не менее важны для исследователя, чем то, что удалось получить в процессе переводческой деятельности, поскольку эти «потери» говорят историку о существенных культурных различиях и служат маркерами «особости» и «инаковости»². В этом отношении теория «культурного перевода» позволяет понять значение взаимодействия культур в процессе созидания «национальной» культуры, которая становится возможной только в рамках этих «пересечений»³.

Изучение перевода является составной частью исследования развития общественно-политических понятий в рамках метода «истории понятий». Для Райнхарта Козеллека и его последователей социально-политические понятия являются носителями

¹ См.: Cultural Translation in Early Modern Europe / Ed. by P. Burke and R. Po-Chia Hsia. Cambridge, 2007. P. 8–10.

² Pernau M. Whither Conceptual History? From National to Entangled History // Contributions to the History of Concepts. Vol. 7. 2012. Issue 1. P. 7.

³ Эта проблематика представлена в рамках направления *Entangled history (Histoire croisée)*, см.: Werner M., Zimmermann B. Beyond Comparison: Histoire Croisée and the Challenge of Reflexivity // History and Theory. 2006. № 45. P. 30–50; Adam T. Intercultural Transfers and the Making of the Modern World, 1800–2000: Sources and Contexts. N. Y., 2011.

исторического опыта, темпорализованного в них. Само формирование понятий для Козеллека связано с переводом с одного европейского языка на другой, сложным процессом переноса и трансформации значений. Поэтому для *Begriffsgeschichte* важно различие «слова» и «понятия», актуализация понятия в определенной исторической ситуации и его развитие в процессе конкуренции значений, вводимых разными политическими силами в эпоху водораздела (*Sattelzeit*), когда формируется современный политический язык¹. Созданные в процессе перевода эквиваленты могут иметь иную семантику и нести новые значения, которые отсутствовали в переносимом понятии.

Для Кембриджской школы, часто определяемой как *contextualism*, существенен интеллектуальный контекст, который позволяет реконструировать исторический смысл речевого действия. Так, под «контекстом» Джон Покок понимает определенную языковую ситуацию, которая складывается в языках политической теории в определенную эпоху. Наличные политические языки и их идиомы, то есть присущие определенному политическому языку понятия, подразумевающие только для него характерные смыслы, выступают как «контекст», активное языковое поле (*langue*), в котором действует «автор», конструируя свою индивидуальную речь (*parole*)². В частности, для России XVIII века подобным контекстуальным полем могли выступать не только так называемые «оригинальные» сочинения, но и даже в большей степени переводные политические труды. Соответственно, для понимания русских оригинальных политических и литературных текстов необходимо поместить их в данный «контекст», поскольку смысл речевого акта высказывающихся акторов становится понятен только при сравнении их высказываний с общими идеями и текстами, которые они читали, которые они

¹ См.: Словарь основных исторических понятий. Т. 1. С. 24–44; История понятий, история дискурса, история метафор / Под ред. Х.Э. Бёдекера. М., 2010.

² См.: Pocock J. G. A. Concepts and Discourses: A Difference in Culture? Comment on a Paper by Melvin Richter // Lehmann H., Richter M. (Eds). *The Meaning of Historical Terms and Concepts: New Studies on Begriffsgeschichte*. Washington, 1996. P. 47–58; Richter M. Pocock, Skinner and *Begriffsgeschichte* // *The History of Political and Social Concepts: A Critical Introduction* / Ed. by M. Richter. New York; Oxford, 1995. P. 124–142.

использовали и к которым они апеллировали. В то же время нам кажется оправданным исследование перевода именно лексических единиц, которые выражали понятийный аппарат политики. Изменения, которые претерпевают при переводе синтаксис, структура предложения, несомненно, важны, но в случае развития политического языка играют второстепенную роль.

Мелвин Рихтер, который пытался соединить методы английской и немецкой «истории понятий», и Мартин Бёрк организовали в 2005 году под эгидой Германского исторического института в Вашингтоне конференцию, посвященную методам истории понятий в изучении перевода¹. Результатом их усилий стал сборник статей, объединивший ученых из разных стран, в котором представлены исследования трансфера политических понятий в процессе перевода в европейских и неевропейских культурах². Концептуально исследователей объединяет попытка сближения подходов переводческих исследований с методами *Begriffsgeschichte*, как в теории (концептуализация перевода понятий, проблема перевода у Козеллека), так и на практике (перевод понятия «либеральный» в 1800–1830-е годы; перевод Боденом и Гоббсом своих текстов с одного языка на другой; переводы европейских политических мыслителей на китайский и японский и так далее).

Один из участников этого сборника, Дуглас Хауленд, известен как автор исследования о проникновении западной политической терминологии в Японию второй половины XIX века, в котором он подверг критике положение о «семантической прозрачности» (*semantic transparency*), характерное для многих исследований трансфера политических идей³. Тезис о семантической прозрачности предполагает, что переносимое понятие или идея сохраняет свое значение независимо от исторического

¹ Отчет о конференции см.: *Burke M.J.* Translation, the History of Political Thought, and the History of Concepts (*Begriffsgeschichte*) // *Bulletin of the German Historical Institute*. Bulletin 38 (Spring 2006). P. 149–152.

² *Burke M.J., Richter M.* (Eds). *Why Concepts Matter: Translating Social and Political Thought*. Leiden; Boston, 2012.

³ *Howland D.R.* *Translating the West: Language and Political Reason in 19th-century Japan*. Honolulu, 2001. Рус. пер.: *Хауленд Д.* Перевод с западного: формирование политического языка и политической мысли в Японии XIX в. / Пер. с англ. А. В. Матешук. М.; Челябинск, 2020.

и культурного контекста, между тем, как блестяще демонстрирует Д. Хаулэнд, один и тот же текст может быть понят по-разному европейским и японским читателем, а содержащиеся в нем понятия наделены для читателей разных культур разным смыслом. Собственно, в самой европейской мысли те же понятия «свобода» или «правовое государство» не были однозначными и имели разное значение, обусловленное борьбой идей, в Японии же переводчики и читатели трудились над созданием новых смыслов для этих понятий. Поэтому необходимо исследовать эти разночтения, поскольку, как замечает автор, значение понятий существует не в словаре, понятия конструируются в процессе их использования, в контексте конкретного политического действия. В этом отношении проблема перевода западных политических понятий (свобода, права человека, суверенитет, демократия, общество) на незападные языки, в которых отсутствовали равные лексические эквиваленты, становится актуальной для исследователей¹, впрочем, как и проблема перевода незападной политической терминологии на европейские языки².

В свою очередь Маргрит Пернау в рамках «перекрестной истории» (*entangled history, histoire croisée*) предложила конкретную программу исследования перемещения политических понятий между культурами через изучение переводов определенных «канонических текстов», которые вводили новые понятия в рамках принимающей культуры. По ее мнению, необходимо проследить, каким образом понятия существуют в разных текстах и контекстах до проникновения в новую культуру, как понятия распространяются в новых условиях, как они адаптируются и присваиваются, возникает ли полемика по их поводу, наконец, происходит ли в результате этой полемики отказ

¹ См., например: *Schaffer F. C. Democracy in Translation: Understanding Politics in an Unfamiliar Culture*. Ithaca, 1998; *Kurtz J. Translating the Vocation of Man: Liang Qichao (1873–1929), J.G. Fichte, and the Body Politic in Early Republican China // Burke, Richter (Eds). Why Concepts Matter: Translating Political and Social Thought*. P. 153–176; *Yuezhi X. Liberty, Democracy, President: The Translation and Usage of Some Political Terms in Late Qing China // New Terms for New Ideas: Western Knowledge and Lexical Change in Late Imperial China / Co-edited by M. Lackner, I. Amelung, J. Kurtz*. Leiden, 2001. P. 69–94.

² *Burke P. Translating the Turk // Burke, Richter (Eds). Why Concepts Matter: Translating Political and Social Thought*. P. 141–152.

от использования понятия или появляются его альтернативные переводы¹.

В современных исследованиях в рамках *cultural translation* под «стратегиями» переводчика чаще всего понимаются его интенциональные характеристики (для чего, с какой целью и направленностью совершался перевод?), между тем как «тактика» перевода подразумевает практики его осуществления: в какой манере совершается перевод, каким теориям следуют переводчики, каков габитус переводчика? В Новое время, как, впрочем, и ранее, сосуществуют две основные манеры перевода: переводчик может следовать за оригиналом «слово в слово» (*verbum pro verbo*)² или посвятить себя поиску смысла, стоящего за словами (*sensum de sensu*), будучи свободен в подборе слов³. В раннее Новое время переводчики использовали разные приемы перевода, которые характеризуют их социальные стратегии, понимание текста, ориентацию на культурные нормативы. В частности, исследователи выделяют распространенные приемы аккультурации (культурного присвоения идеи или понятия, предполагающего их смысловую трансформацию), боудлеризации (исключения из перевода «неприемлемого» текста без специальных оговорок), амплификации (умножение терминов при переводе одного слова), транспозиции (перестановки акцентов и смыслов при переводе, вплоть до введения противоположного авторскому значению), «традаптации» (перевода-адаптации, при котором переводчик творчески меняет контекст, содержание и смыслы

¹ Pernaу. Whither Conceptual History? P. 7.

² В традиционных культурах «верность слову» часто воспринималась как обязательное требование переводчику; особенно в священных текстах оригинал должен был быть воспроизведен переводчиком дословно, поскольку нарушение внешнего порядка могло повлечь за собой искажение внутреннего содержания. В древнерусской культуре эта теория перевода не была единственной, она противостояла теории открытого перевода, вольному переводу, грамматическому переводу и так далее. Об особом понимании перевода «от слова до слова» и его значении в древнерусской культуре см.: Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. Praha, 1976. С. 38–45.

³ См. письмо св. Иеронима к св. Паммахию (Epistula LVII. 5. Ad Pammachium De Optimo Genere Interpretandi, между 405 и 410 годами), где он, вслед за Цицероном, различает две эти манеры и говорит, что сам он «non verbum e verbo, sed sensum exprimere de sensu». Translation/History/Culture: a sourcebook / [translated and edited by] A. Lefevere. N. Y., 1992. P. 47–48.

исходного текста, фактически становясь соавтором)¹. Все эти приемы присутствуют, в той или иной мере, и в деятельности русских переводчиков XVIII века.

Питер Бёрк предлагает рассматривать «культурный перевод» как двойной процесс «деконтекстуализации» (*decontextualization*) и «реконтекстуализации» (*recontextualization*), где деконтекстуализация есть форма присвоения чуждого для принимающей культуры элемента, в то время как реконтекстуализация предполагает доместикацию, «одомашнивание», при котором чужое становится своим, но теряет прежний смысл, заложенный при создании «послания»². Собственно, с этой амбивалентностью культурного перевода связаны и две стратегии лингвистического перевода, о которых говорил еще Фридрих Шлейермахер и которые сейчас называют «форенизация» и «доместикация»³. Если первая стратегия предполагает сознательное отстранение переводчика и читателя от преподносимого на родном языке чужого незнакомого материала, который должен и в переводе сохранить свою «инаковость», то доместикация требует стирания культурных границ, включения текста в знакомое и очевидное пространство принимающей культуры, посредством потери нюансов, присущих культуре, в которой был создан текст. На протяжении большей части XVIII века господствовала стратегия доместикации, если только переводчик не прибегал, в большей или меньшей степени неосознанно, к форенизации текста, не желая вникать в текст и принимать стоящую за ним реальность, чуждую его мировоззрению. Только на рубеже XVIII–XIX веков, благодаря немецким романтикам, в переводе вполне осознанно возникает стратегия форенизации, основанная на представлении о языке как отражении своеобразного видения мира,

¹ См. подробнее: Cultural Translation in Early Modern Europe. P. 24–35.

² Ibid. P. 10.

³ Ф. Шлейермахер говорит о двух противоположных методах перевода: «Либо переводчик оставляет в покое писателя и заставляет читателя двигаться к нему навстречу, либо оставляет в покое читателя, и тогда идти навстречу приходится писателю». См.: Шлейермахер Ф. О разных методах перевода: Лекция, прочитанная 24 июня 1813 г. // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 2000. № 2. С. 132. Соответственно Л. Венути предлагает называть их «форенизация» и «доместикация». См.: Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. N. Y., 1995. P. 15–16.

присущего каждой уникальной культуре, и о том, что именно это своеобразие и должен передать переводчик. Однако, как и любая схема, эта концепция не учитывает всех нюансов и особенностей развития перевода: форенизация в XVIII веке могла быть вызвана не только непониманием текста, но и осознанной стратегией переводчика, который принимал иностранную лексику и синтаксис за норму и приспособлял к ней языковые средства родного языка¹. Используя иностранный образец, переводчик конструировал непривычные для своего времени языковые формы, вызывавшие протест современников. Эти форенизированные конструкты могли не прижиться или, наоборот, стать естественными для следующего поколения читателей.

«Гражданское учение» и сфера политического
в России XVIII века

Обратимся теперь непосредственно к «политическим» переводам, которые находились в фокусе проекта Германского исторического института в Москве. Что входило в сферу «политического» в эту эпоху? Как обозначить границы того поля, на котором росла и развивалась политическая мысль в раннее Новое время?

Политическая литература эпохи была разнообразна и не помещается в современные дисциплинарные границы социальных наук («социология», «политэкономия», «экономика» или «право»), сформировавшиеся только столетием позже. Для европейской системы знаний этой эпохи характерно пересечение различных дисциплинарных дискурсов, и хотя в XVII веке появляется попытка противопоставить *ars rhetorica* дискурсивному полю «гражданской науки» (*civilis scientia*)², тесная связь «научного» и «художественного» текста продолжает существовать. Собственно, само понятие *civilis scientia* возникает еще у Цицерона (*De inventione*, I.V.6) и прямо связано с представлением

¹ Латинизация и галлинизация как языка перевода, так и языка оригинальных сочинений русских авторов XVIII века (например, А.Д. Кантемира, В.К. Тредиаковского или Н.М. Карамзина) были очевидны для современников. Например, об осознанной латинизации синтаксиса у Кантемира см.: Николаев С.И. Трудный Кантемир. (Стилистическая структура и критика текста) // XVIII век. Сб. 19. СПб., 1995. С. 3–14.

² См.: Иванова Ю.В., Соколов П.В. Кроме Макиавелли. Проблема метода в политических науках раннего Нового времени. М., 2014. С. 93–114.

о «гражданской» (государственной, республиканской) мудрости, которая без красноречия молчит и, соответственно, не может принести пользы обществу. Отсюда следует, что в основе образования государственного деятеля должна лежать риторика, а политика оказывается тесно связанной с риторическим искусством¹. Поэтому политический текст «риторической эпохи»² мог быть не только трактатом (Жантийе, Пуфендорф, Локк), но и собранием конкретных наставлений монарху, его наследнику или министрам и придворным (Макиавелли, Гвиччардини, Сериоль), книгой графических эмблем с метафорическим описанием «должностей» государя и подданных (Сааведро Фахардо и Де Ла Фей) или сборником исторических примеров на конкретные политические «казусы» (Липсий и Бессель). Таким образом, понятие «гражданской науки» объединяло все знания, необходимые «политику» для осуществления государственной деятельности. Так что же должен был знать «политик» риторической эпохи?

В переводе немецкого руководства «Статская комната», выполненном Иоганном Вернером Паузе в начале XVIII века, на вопрос «кто есть Статской муж³, и что надлежит ему знать» следует пространный ответ:

Тому надлежит невежду не бытии во историях, подобает ему знать каким образом и в кое время всякая Речь Посполитая⁴ начиналася, како простиралася или уменшалася, и какая памяти достойная пременения

¹ См.: Skinner Q. Reason and Rhetoric in the Philosophy of Hobbes. Cambridge, 1996. P. 2–3.

² Риторической эпохой (культурой) традиционно называют время в развитии западной литературы от классической Античности до конца XVIII века. Риторическая структура организации текста характерна для представления любой системы знания в это время, в том числе и для политической теории (чему посвящены исследования В. Кан, К. Скиннера, И. Эвригенеса). См.: Михайлов А. В. Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания / Отв. ред. П. А. Гринцер. М., 1994; Лахманн Р. Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие поэтического. СПб., 2001; Kahn V. Machiavellian Rhetoric: From the Counter-Reformation to Milton. Princeton, 1994; Skinner. Reason and Rhetoric; Evrigenis I. Images of Anarchy: The Rhetoric and Science in Hobbes's State of Nature. Cambridge, 2014.

³ Полукалька с нем. *Staatsmann* — государственный деятель, политик.

⁴ Транслитерация польского *Rzecz Pospolita*, от лат. *Res Publica*, здесь имеет в виду государство.

во время войны и мира прислучилися, також де ему ведать обладающих и велмож родословия и родства <...> Гражданская и Г<осу>д<a>рская дела хорошо разумети, сиречь каким образом всякая Речь Посполитая, Страна и Г<осу>д<a>рство управляется, кто обладатель, если он самовластен и единоначален или от Статов¹ поставлен, которые высоки министры и статские областники, какие Фундаментальные законы во всякой Речи Посполитой. <...> Зело пристойно ему есть знати, что начальные политицы о всякой Речи Посполитой мнят и разсуждают, кто сие и подобная сим разумет, тот во истине статской муж нарицается².

Здесь дается целая программа политического образования, где находится место не только истории, географии и экономике, но и политической теории: для «статского мужа» важно знать, что «начальные политицы», то есть теоретики политической науки, «о всякой Речи Посполитой мнят и разсуждают». Автор данного руководства различает «две дороги» к «статскому вежеству»: во-первых, путь практический — «еже получится аще кто либо сам в Г<осу>д<a>рствовании сидит, или в нем советника, посла, секретаря и сим подобное место имеет», и во-вторых:

аще кто в писмах и по устному о том приобщается или всякия политическия добрыя книги печатныя и непечатныя читает. Сия последняя дарога часто больше сотворит к статскому знанию, нежели много тысящ денег на странства в чужих землях или при болших дворах изживати. Для того и Алфонсус король во Аррагонии обыкновенно глаголе, яко он из книг лучше учился войне, нежели во обучении или из оружия³.

Слово «политика» было известно в России и ранее⁴, но только в эпоху петровских реформ оно стало достаточно распростра-

¹ То есть выбран сословиями: здесь частичная транслитерация нидерландского *Staat* или французского *états* — сословия (отсюда русское понятие «генеральные штаты» для обозначения нидерландских и французских сословно-представительных учреждений).

² ОР БАН. Ф. 31. № 26.3.58. Статская комната, во ней же всякие Статы и Речи Посполитыя в нынешнее время цветущия сокращенно описаны: всякому, а особливо Ведомости читающим зело потребна и полезна. Рукопись начала XVIII в. Л. 2.

³ Там же. Л. 2 об.

⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 16. М., 1990. С. 218.

ненным в разных типах текстов. В этот период, видимо, сложились основные значения этого слова. Во многом они были не столько конкурирующими, сколько параллельными и независимыми, а также равно употребляемыми в письменной и устной речи. В конце XVIII века «Словарь Академии Российской» фиксирует следующие значения:

ПОЛИТИКА: 1) Знание располагать в жизни дела так, чтобы произошла из них истинная польза. 2) Наука преподающая управляющим народами правила к достижению предполагаемых намерений. 3) Уचितность, знание обходиться с людьми. *Он во всем наблюдает политику.*

Определение прилагательного «политический» в академическом словаре проясняет нам две параллельные парадигмы восприятия слова в это время: «Политический. Относительный к правлению государством, к государственным делам. *Политично поступать, говорить.* Поступать, говорить скрывая свои мысли»¹. Политика воспринималась и как «наука государствовать», и как особое умение «обхождения с людьми». Обе парадигмы словоупотребления не были российским изобретением, а стали результатом «культурного импорта». Так, в русском переводе трактата немецкого камералиста Якоба фон Бильфельда можно встретить жалобу на смешение этих двух пониманий политики:

Имя *Политики* всем известно, только не все одинаково оно понимают. Народ всегда смешивая доброе употребление с худым, считает *Политику* вредным искусством обманывать людей <...>. Если взять имя *Политики* в самом пространном разуме: то она содержит в себе знание лучших способов к исполнению своего намерения <...>. *Политика*, которую мы здесь изыскиваем <...> есть искусство править государством и учредить публичные дела².

В русских текстах XVIII века куда более распространенным оказывалось понимание политики как частной манеры поведения человека по отношению к другим людям, причем в повседневной

¹ Словарь Академии Российской. Т. 4. М–П. СПб., 1793. С. 965, 966.

² Наставления политическая Барона Бильфельда; переведены с французского языка князь Федором Шаховским. Ч. 1. М., 1768. С. 23.

речи «политика» несет скорее негативные коннотации, отражение которых мы встречаем в литературных памятниках эпохи от риторической прозы до поэтической эпиграммы (например, у В.Г. Рубана: «Что прежде был порок под именем: обман, / Тому политики теперь титул уж дан»¹). Следует отметить, что подобное негативное отношение к «политике» переносилось и на «высокую» политику, и на риторику (неразрывно связанную с понятием политического, как было сказано выше)². Так, в рукописных сборниках второй половины XVIII века получило распространение сочинение «Утренники прусского короля», приписываемое Фридриху II³, где анонимный автор этого язвительного памфлета сплавляет две семантические парадигмы «политики» в одну:

Обманывать друг друга есть дело подлое и законопреступное и для того потрудились сыскать слово, которое б умягчало самое дело и выбрали к тому слово *политика*. Всеконечно сие слово изобретено [для] пользы только одних государей, ибо со благопристойностию не можно называть нас ни плутами, ни мошенниками <...> я разумею, дорогой мой племянник, чрез слово *политика*, что всегда надобно искать, как бы провести других⁴.

Между политикой государственной и «партикулярной» не делалось разницы: и то и другое — способ обманывать людей. Такое

¹ Письмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присокуплением разного учебного и полезнотрагического вешествования: 9-е изд., вновь исправленное, приумноженное и разделенное на 2 части профессором и кавалером Николаем Кургановым. Ч. 2. СПб., 1818. С. 23.

² См. о критике риторики во второй половине XVIII века: *Лахманн Р.* Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие поэтического. СПб., 2001; *Костин А. А.* Латинская образованность как прием в русской беллетристике 1760–1780-х гг. // Чтения Отдела русской литературы XVIII века. СПб., 2018. Вып. 8. Русская литература XVIII столетия в науке XX века. Европейская гуманистическая традиция и русская литература XVIII века. С. 317–321.

³ «Les Matinées du roi de Prusse» появились около 1765 года, их автор до сих пор неизвестен, хотя текст приписывали разным лицам. Сам Фридрих II осудил «эти измышления столь же грязные, сколько ложные». Подробнее об истории этого текста см.: *Stroev A.* La Russie et la France des Lumières: monarques et philosophes, écrivains et espions. P., 2017. P. 468–470.

⁴ НИОР РГБ. Ф. 299. Д. 100. Сборник челобитен и писем. Л. 49.

понимание пытались преодолеть сторонники «истинной политики» от антимакиавеллистов и камералистов до просветителей. Неизвестный переводчик «Тестамент политического» Ришелье предпослал его тексту обширное «Предисловие» (1725), где противопоставил «истинное» и «ложное» понимание политики:

Политика истинная есть искусство управлять государством, новое уставлять, установленное содержать во благополучии и не дать ему разорится, а разоренное восстановить, которой министр оное искусство знает тот Политик. Еще всякой человек политик, которой со всеми людьми обходится разумно, честно и правдиво, себя от всякаго зла охраняет, а другим никакова зла не делает. Такая политика не толко надобна министру, но и всякому человеку <...>. Оное описание политики и политика предлагаю здесь ради того, что оные слова в нашем языке чужие и в разговорах всякие люди оные слова политика и политик много употребляют не в прямом и натуральном разуме, политикою называют злодейство и бездельничество, а политиками называют злых людей и бездельников, противно и резону, понеже многия не знают в чем состоит истинная политика, и что есть двоякая политика, одна министерская, а другая всяких людей, как выше сего показано, а доброму министру обе надобны¹.

Таким образом, семантика «политического» в русской культуре XVIII века была связана с двумя уровнями понимания: политика могла выступать, во-первых, как наука управления государством, а во-вторых, как наука управления самим собой, своими чувствами, словами и действиями для достижения важных социальных целей; в последнем смысле она часто ассоциировалась с искусством жизни при дворе и этосом «придворного человека». Следовательно, «политическая литература» эпохи может быть условно разделена на две группы: книги, предназначенные для образования «статского мужа», и книги, необходимые подданному (гражданину) для верного исполнения своей должности в обществе. В то же время обе группы связаны теснейшим образом, поскольку политик является таким же

¹ Там же. Ф. 256. Д. 432. Тестамент политической или духовная светская кардинала дюка де Ришелью. Переведена с французского языка 1725 году. Л. 6 — 6 об.

подданным и должен сообразовывать свое поведение с системой социальных должностей: от члена домохозяйства до «слуги отечества». Все многочисленные наставления и предписания, касающиеся королей и их наследников, рассматривались как образцовые и для придворных, и для «добрых подданных». К примеру, М. М. Щербатов в предисловии к своему переводу «Наставления для совести короля» Франсуа де Ла Мот-Фенелона утверждал, что хотя эта книга «для государей писана», однако «довольные обретаются наставления и для людей партикулярных, сколь им должно убежать от раскоша и сластолюбия, ненавидеть ложь и клевету, любить свое отечество и государя»¹.

Учитывая характер этой литературы, можно говорить о трех ее видах в эту эпоху, которые могут быть отнесены к широкой сфере политического знания, «гражданского учения», предназначенного для образования «статских мужей» и граждан-подданных²:

1) *Theoria*: то есть политические, юридические, экономические трактаты, отличающиеся высоким уровнем обобщения, предполагавшим использование абстрактных политических понятий (*res publica, stato, status, gouvernement, constitution, raison d'état* и так далее), и в то же время предлагавшие реализацию определенных теоретических установок в государственной деятельности;

2) *Monita et exempla*: сюда можно отнести «информационную» литературу, которая должна была предоставить примеры («приклады») или конкретные модели применения политических наставлений («увещания») в существующей практике; сюда входят книги по политической истории и географии, справочники;

3) *Praxis*: это та литература, которая выполняет иллюстративную функцию по отношению к теории; это своеобразная практическая разработка тех тем и идей, которые встречаются в трактатах; сюда относятся морально-политическая литература, политический роман (*Staatsroman*) и наставления, то есть литература предписаний и наставлений, ближе всего стоящая к «изящной словесности»; это руководства, предписывающие нормы «правильного поведения» для государей, придворных,

¹ ОР РНБ. Эрм. № 117. Л. 4.

² На основании этого деления проанализировано соотношение рукописных и печатных переводов в первой половине XVIII века в статье С. В. Польской (см. с. 236–295 настоящего издания).

«статских мужей» и частных лиц; сюда следует отнести не только своды предписаний и комментированных эмблем, но и политические романы воспитания, самым популярным из которых был, конечно, «Телемак» Фенелона, неоднократно переведенный на русский язык и ставший образцом для многочисленных подражаний.

Несомненно, что все три перечисленные группы книг имели почти равное значение для трансфера понятий различных политических языков, формирования особой манеры говорения об обществе и индивиде и способствовали развитию новых форм осмысления социальной действительности.

*Перевод политических текстов в России XVIII века
как историографическая проблема*

Какую роль перевод играл в формировании нового политического языка? Как можно оценить его место и значение в процессе становления новых понятий и концепций? В отечественной историографии традиционно внимание уделялось не столько изучению конкретных переводов и их особенностей, сколько наличию самого текста перевода в культуре эпохи. Априорно подразумевалось, что переведенная книга должна была доставить в «принимающую» культуру почти без изменений те смыслы и идеи, которые были вложены в нее автором. Культура могла отвергнуть эти идеи, принять и адаптировать их к условиям «русской жизни», но перевод всегда выступал как что-то второстепенное относительно оригинальных сочинений и памятников отечественной общественной мысли.

Большинство известных исследований истории отечественного перевода XVIII века посвящены или установлению репертуара европейских политических сочинений, переведенных в это время, или собственно истории создания отдельных переводов. Попытки изучения манеры и языка переводов, путей и способов осуществляемого переводчиками трансфера понятий, значения и смысла переводимых текстов — не столь многочисленны.

Начало сбора материала и изучения движения западных книг и их переводов в России XVIII века связано с именами Петра Петровича Пекарского (1827–1872), Михаила Ивановича Сухомлинова (1828–1901), Алексея Ивановича Соболевского (1857–1929)

и Владимира Петровича Семенникова (1885–1936), чьи работы до сих пор сохраняют свое значение¹. Однако первые попытки обобщения и анализа материала русских переводов политических сочинений были предприняты уже Александром Сергеевичем Лаппо-Данилевским (1863–1919)² и Николаем Дмитриевичем Чечулиным (1863–1927)³, монографические работы которых, к сожалению, остались незавершенными и большей частью неопубликованными, они мало известны даже исследователям.

Н. Д. Чечулин в своем труде «Литература общественных знаний в России XVIII в.» (1919–1925) обратился к комплексу опубликованных текстов, не различая специально переводные и оригинальные сочинения⁴, поскольку предметом его изучения стали наличные знания в общественных науках, которые мог получить русский читатель из тех книг, которые были ему доступны⁵. В своем исследовании Чечулин намеревался

¹ Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1–2. СПб., 1862; Он же. История Императорской академии наук в Петербурге. Т. 1–2. СПб., 1870–1873; Сухомлинов М. И. Материалы для истории императорской Академии наук. Т. 1–9. СПб., 1885–1900; Соболевский А. И. Из переводной литературы Петровской эпохи // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. LXXXIV. № 3. СПб., 1908; Семенников В. П. Собрание, стареющее о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. 1768–1783 гг. СПб., 1913.

² Лаппо-Данилевский А. С. История политических идей в России в XVIII веке в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики // СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 68–69. Издан только первый том этого труда, посвященный XVII веку: Лаппо-Данилевский А. С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII в. М., 1990.

³ Чечулин Н. Д. Литература общественных знаний в России XVIII века // ОР РНБ. Ф. 838. Чечулин Н. Д. Оп. 1. Д. 12–29.

⁴ Он особо подчеркивает значимость переводов для формирования общественных представлений: «Русским людям в XVIII в. в огромном большинстве случаев приходилось ограничиваться книгами на русском языке, так как знание языков иностранных, открывающее доступ к литературе более обширной, было тогда у нас распространено еще очень слабо: лишь в столицах в высшем обществе, не являлось оно редкостью, хотя не обладали им иногда и представители семей богатых и знатных и лица, высокостоящие в администрации, в рядовом же дворянстве, тем более в других сословиях, люди, способные читать книги на каком либо из новых иностранных языков, считались единицами». ОР РНБ. Ф. 838. Оп. 1. Д. 12. Л. 6.

⁵ «Я поставил целью выснить умственное достоинство русского общества в XVIII в., ознакомиться с существовавшими тогда у нас интеллектуальными запасами для общественной и государственной работы». Там же. Л. 10.

<...> выяснить теоретические основы, на какие, главным образом, приходилось тогда русским людям опираться в их деятельности по государственному строительству и в общественных отношениях, указать, какие давала им наука принципы и положения, сообразуясь с которыми люди принимали решения по вопросам общим именно тогда, когда желали следовать не собственной своей выгоде или воле, а справедливости и указанием науки¹.

По-новому поставив проблему («прошлое может быть верно понято только тогда, когда известны основания, от каких в каждом отдельном случае люди отправлялись»), рассмотрев обширный и многообразный материал, историк, к сожалению, делает самые общие выводы, для которых не было необходимости в тщательных изысканиях. К примеру, в заключении, разбирая влияние западной политической литературы на русского читателя, Чечулин утверждает: «Система просвещенного абсолютизма находила себе тогда поддержку во множестве трудов и, будучи почитаема наилучшим осмыслением жизни и обязанностей государства, она пользовалась сочувствием и признанием наиболее образованной и мыслящей части общества»². Основываясь на изучении печатных памятников переводной и оригинальной «серьезной литературы», историк характеризует русское общественное сознание как верноподданническое, консервативное и ограниченное в своей интеллектуальной жизни. Выделяя общие моменты и сводя все к тенденциям, Чечулин не замечает многоголосия книжной культуры XVIII века. В частности, из его поля зрения полностью выпадает рукописная литература.

А. С. Лаппо-Данилевский поставил перед собой еще более амбициозные задачи и претендовал на широкий охват источникового материала. В подготовленной им «Истории политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития ее культуры и политики» (1910–1919) он часто обращался к рукописным книгам эпохи. Фактически он впервые исследовал не только описи библиотеки Д. М. Голицына, но и содержание рукописных переводов из ее состава. Он пошел дальше

¹ Там же. Л. 10–11.

² ОР РНБ. Ф. 838. Оп. 1. Д. 17. Л. 53–54.

и в архивохранилищах Москвы и Петербурга продолжил изучать рукописные переводы политических трактатов первой половины XVIII века, описывая и характеризуя их в подготовительных материалах к своей книге. Обладая, в отличие от Н. Д. Чечулина, широкой источниковой базой и диалектически подходя к проблеме, он отмечал, что

<...> политические идеи, получившие господство в эпоху преобразований и в век Просвещения, не были, однако вполне согласованы между собой, да и каждая из таких совокупностей содержала элементы, развитие которых приводило к отрицанию господствующей теории. В самом деле, доктрина абсолютизма вызвала попытку противопоставить ей понятие об ограниченной монархии, а принятая русским абсолютизмом либеральная система просвещения породила в обществе стремление, с точки зрения «революционных» учений, подвергнуть критике самодержавный строй полицейского государства¹.

Задачи, поставленные перед собой Лаппо-Данилевским, до сих пор остаются актуальными для исследования русской политической мысли XVIII века. Подчеркивая необходимость изучения источников определенных идей, он утверждает: «Если бы даже удалось установить источники заимствований и степень их, с исторической точки зрения предстояло еще объяснить, почему в Россию проникли те, а не иные течения»². Не менее важным Лаппо-Данилевский считал изучение той реакции, какую эти идеи вызывали в русском обществе³. Бóльшая часть выводов и заключений, сделанных историком, остается до сих пор неизвестной широкому читателю, за исключением его программной статьи, созданной в первый период работы над книгой⁴.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 113. Д. 68. Л. 42.

² Там же.

³ Он пишет: «Изображение жизни идей, перенесенных в новую общественную среду, было бы неполно, если бы реакции, ими вызванные, были оставлены без внимания: значение заимствованных идей обнаруживается не только в распространении их среди данного общества, но и в степени вызываемого ими отпора». Там же. Л. 42.

⁴ Лаппо-Данилевский А. С. Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времен смуты до эпохи преобразований // Голос минувшего. Журнал истории и истории литературы. 1914. № 12. С. 5–38.

После А.С. Лаппо-Данилевского к «идейной» стороне русских политических переводов и проблеме их влияния на русскую культуру XVIII века обращалось не так много ученых. Значимое исключение составляют работы М.А. Юсима, который в своем исследовании рецепции идей Макиавелли в России¹ не только искал книги Макиавелли в библиотеках русских государственных деятелей XVIII века, но и изучил сами переводы западных политических сочинений, в которых обсуждалась проблема макиавеллизма (Боккалини, Вернулей, Фельвингер и др.). Ему же принадлежит комментированная публикация первого известного русского перевода «Государя» Макиавелли по рукописи, созданной около 1756 года².

Большинство работ, затрагивающих проблемы перевода политических сочинений в России XVIII века, было связано или с историей книги и библиотек этого времени, или с историей языка. Важные и информативные исследования в этих направлениях прямо не затрагивали вопросы содержания и значения переводной литературы в развитии политической мысли, поэтому мы не будем рассматривать их здесь подробно. Так, в работах С.П. Луппова был детально изучен репертуар западной книги в России, а Б.А. Градова, Б.М. Клосс и В.И. Корецкий подробно представили историю и состав библиотеки Д.М. Голицына в своих статьях³. В исследовании Г. Маркера было рассмотрено становление, развитие и репертуар печатной литературы⁴. Рукописная книга XVIII века до сих пор занимает незначительное место в исследовании русской культуры петровской и послепетровской эпох: после работы

¹ Юсим М.А. Макиавелли в России: мораль и политика на протяжении пяти столетий. М., 1998.

² «Государь» Макиавелли в русской рукописи XVIII века. Исследование и публикация М.А. Юсима. М., 2019.

³ Луппов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973; *Он же*. Книга в России в послепетровское время. Л., 1976; Градова Б.А., Клосс Б.М., Корецкий В.И. К истории архангельской библиотеки Д.М. Голицына // Археографический ежегодник за 1978 г. М., 1979; *Они же*. О рукописях библиотеки Д.М. Голицына в Архангельском // Археографический ежегодник за 1980 г. М., 1981.

⁴ Marker G. Publishing, Printing, and the Origins of the Intellectual Life in Russia, 1700–1800. Princeton, 1985.

М. Н. Сперанского¹, посвященной библиографическому описанию рукописных сборников XVIII века, не так много было сделано для изучения этого пласта русской литературы.

Изучение формирования русского литературного языка и влияния на его становление переводной литературы, начало которому было положено А. И. Соболевским и Н. А. Смирновым², было продолжено советскими исследователями В. В. Виноградовым, Г. О. Винокуром, Ю. Д. Левиным и Ю. С. Сорокиным³. Развитию языка естественных наук в XVIII веке были посвящены работы Л. Л. Кутиной⁴; лексические, семантические и морфологические изменения, становление новых языковых норм изучали В. М. Живов, Е. С. Копорская, Г. Хютль-Фольтер и др.⁵ Среди важнейших работ недавнего времени, посвященных изучению переводной литературы XVIII века, следует отметить труды С. И. Николаева и В. М. Круглова, Р. Евстифеевой, М. Мозера, А. А. Костина⁶.

¹ *Сперанский М. Н.* Рукописные сборники XVIII века. Материалы для истории русской литературы XVIII века. М., 1963.

² *Соболевский А. И.* Из переводной литературы Петровской эпохи // Сб. отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. LXXXIV. Ч. 3. СПб., 1908; *Он же.* История русского литературного языка. Издание подготовил А. А. Алексеев. Л., 1980; *Смирнов Н.* Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху. СПб., 1910.

³ *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. Издание третье. М., 1982; *Винокур Г. О.* Русский литературный язык в первой половине XVIII века // *Винокур Г. О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 111–137; *Левин Ю. Д.* Об исторической эволюции принципов перевода (к истории переводческой мысли в России) // Международные связи русской литературы: Сборник статей / Под ред. акад. М. П. Алексеева. М.; Л., 1963. С. 5–63; *Сорокин Ю. С.* О задачах изучения лексики русского языка XVIII века (Вместо введения) // Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). М.; Л., 1966. С. 7–34.

⁴ *Кутина Л. Л.* Формирование языка русской науки. Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века. М.; Л., 1964.

⁵ *Живов В. М.* Смена норм в истории русского литературного языка XVIII века // *Russian Linguistics.* 1988. Vol. 12. P. 3–47; *Он же.* Язык и культура в России XVIII века. М., 1996; *Он же.* Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М., 2004; *Копорская Е. С.* Семантическая история славянизмов в русском литературном языке Нового времени. М., 1988; *Хютль-Фольтер Г.* Языковая ситуация петровской эпохи и возникновение русского литературного языка нового типа // *Wiener slavistisches Jahrbuch.* 1987. Band 33. S. 7–21.

⁶ *Николаев С. И.* Об атрибуции переводных памятников Петровской эпохи // *Русская литература.* 1988. № 1. С. 162–172; *Он же.* Литературная культура Петровской эпохи. СПб., 1996; *Он же.* История русской переводной художественной

В последнее время появился целый ряд исследований русской общественной мысли, где изучение перевода через призму методов истории понятий и исторической семантики позволяет по-новому подойти к изучаемой проблеме. Важной вехой в этом направлении стали публикации исследований по истории понятий под эгидой Германского исторического института в Москве¹, а также изданные под редакцией В. М. Живова и Ю. В. Кагарлицкого сборники статей по истории лексики и по исторической семантике², где проблема перевода затронута лишь частично. Для актуализации и изучения этой проблематики стал значимым проект ГИИМ, который позволил объединить усилия исследователей по истории понятий в России XVIII века³.

литературы. Древняя Русь. XVIII век. Том I. Проза / Отв. ред. Ю. Д. Левин. СПб., 1995. Гл. 2; Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв.: Библиографические материалы. СПб., 2008; Круглов В. М. Русский язык в начале XVIII века: узус петровских переводчиков. СПб., 2004; Он же. Об источниках рукописного перевода второго трактата «О правлении» Джона Локка (Первая треть XVIII века) // *Russian Linguistics*. 2000. Vol. 24. № 1. P. 75–80; Он же. Русский рукописный перевод 1720-х гг. второго трактата «О правлении» Джона Локка // *Известия Академии наук. Серия литературы и языка*. 2003. № 4. С. 50–55; Он же. Ф. Фенелон: «Похождение Телемака» (к истории создания первого русского перевода) // *Tusculum slavicum. Festschrift für Peter Thiergen (Basler Studien zur Kulturgeschichte Osteuropas)*. Bd. 14. Zürich, 2005. S. 501–513; *Evstifeeva R. Lessico relativo alle qualità intellettuali in Pridvornoj Čelovek (1741), la prima traduzione russa dell'Oráculo manual di B. Gracián, Tesi di dottorato. Università di Roma «Tor Vergata»*. Roma, 2018; Moser M. «Юности честное зеркало» 1717 г. У истоков русского литературного языка. Münster; Wien, 2020; Костин А. А. Фрагментарный перевод и ценность поэзии: ранние восточнославянские стихотворные переводы из Гомера // *Philologia Classica*. 2020. Vol. 15. Fasc. 1. P. 120–153.

¹ См.: Шарф К. Монархия, основанная на законе, вместо деспотии. Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения // Доронин А. В. (Ред.). «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008; Миллер А. И., Сдвижков Д. А., Ширле И. (Ред.). «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. 1–2.

² Живов В. М. (Ред.). Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. М., 2009; Живов В. М., Кагарлицкий Ю. В. (Ред.). Эволюция понятий в свете истории русской культуры. М., 2012; Кагарлицкий Ю. В., Калугин Д. Я., Маслов Б. П. (Ред.). Понятия, идеи, конструкции. Очерки сравнительной исторической семантики. М., 2019.

³ Одним из первых итогов проекта стала публикация кластера статей участников круглого стола, прошедшего в ГИИМ в декабре 2016 года и посвященного изучению вариантов трансфера понятий, в журнале *Kritika: Polskoy S. Translation*

Среди новейших исследований стоит отметить ряд публикаций К. Д. Бугрова, в том числе и его монографию о языке проектов Н. И. Панина, в которой исследователь активно использует методы кембриджской школы для реконструкции происхождения политического лексикона своего героя¹. Новаторским исследованием стала монография К. Д. Бугрова и М. А. Киселева, посвященная русской политической мысли XVIII века, в которой авторы уделяют значимое место изучению переводной литературы и ее роли в развитии политического языка в России². Однако, обозревая обширный корпус переводной литературы, вводя в оборот новые источники по истории перевода западноевропейской политической литературы и подвергая критике традиционалистские подходы изучения трансфера идей, они рассматривают перевод как неоригинальное явление, обнаруживая в нем исключительно роль посредника. Авторы полагают, что возможны три основные стратегии изучения интеллектуального трансфера: во-первых, «история артефактов» (книг и библиотек), во-вторых, анализ идей и доктрин (приписывание определенных «-измов») и, наконец, история трансфера, которую можно представить как процесс адаптации, то есть создания собственных «оригинальных» текстов (в число которых нельзя включать переводы). Критикуя первые два подхода как упрощенные и механицистские (поскольку чтение определенной литературы не означает принятие ее идей читателем, а влияние почти невозможно зафиксировать³), К. Д. Бугров и М. А. Киселев настаивают, что

of Political Concepts in 18th-Century Russia: Strategies and Practices // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2020. Spring. Vol. 21. № 2. P. 235–265; *Bugrov K. Moralism and Monarchism: Visions of Power in 18th-Century Russia // Ibid.* P. 267–292; *Lavrínovich M. A Retired Brigadier Caught between Feelings and Social Hierarchy: The Concept of Friendship in a Late 18th-Century Epistolary Exchange // Ibid.* P. 293–317; *Rjéoutski V. Key Concepts in 18th-Century Russia // Ibid.* P. 319–325.

¹ *Бугров К. Д. Монархия и реформы. Политические взгляды Н. И. Панина. Екатеринбург, 2015. Особенно см.: Ч. III. Лексикон. «Двойной язык» представлений Н. И. Панина о власти. С. 118–198.*

² *Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург, 2016.*

³ Это, впрочем, было хорошо известно уже историкам-позитивистам XIX века; тот же Н. Д. Чечулин писал: «В этом пункте исследователя, можно сказать, подстерегает опасность впасть в одну ошибку: легко поддаться

только изучение оригинальных русских текстов позволит лучше понять особенности адаптации нового политического языка в России¹. Такой подход делает перевод служебным, несамостоятельным явлением, он рассматривается авторами только как часть коммуникативного контекста, позволяющего российским мыслителям создавать собственные тексты.

Такая позиция требует уточнения нашего понимания значения и функции перевода в культуре, особенно после «переводческого поворота» в гуманитаристике. Когда перевод рассматривают как неоригинальный текст, выполняющий посредническую функцию между двумя знаковыми системами, он пропадает в зазоре между двумя культурами, теряя свою объективную принадлежность культуре, на язык которой переведен текст. Однако подобная позиция довольно уязвима, поскольку перевод — это всегда новый текст, созданный в рамках «принимающей» культуры, принадлежащий прежде всего ей и отражающий особенности сознания ее представителей. Для «принимающей» культуры перевод будет выступать как оригинальное сочинение, которое отличается своеобразием происхождения, но его система знаков и образов, языковые особенности, цепочки ассоциаций, понятийный аппарат связаны с автором-переводчиком и той культурой, в которой переводчик сформировался, подчас больше, чем с оригиналом. Как отмечал В. В. Библихин, «граница между переводом и другими видами словесного творчества не просто расплывчата, ее по сути дела вовсе нет»². Это, например, прекрасно понимали русские читатели XVIII века, рассматривая переводы Андрея Хрущова как его творения, снискавшие ему славу «русского Сократа», а Василий Тредиаковский утверждал, что «переводчик от творца только что именем разнится»³. Об особом значении перевода в русской культуре XVIII века

склонности или готовности, заключать, будто, — раз уже высказаны идеи, впоследствии доказавшие свою жизненность и плодотворность, — то именно они и должны непременно распространяться сразу и влиять <...> между тем, такое заключение неосновательно, и должно быть доказано специально». ОР РНБ. Ф. 838. Оп. 1. Д. 12. Л. 15.

¹ Бугров, Киселев. Естественное право и добродетель. С. 6–10.

² Библихин В. В. К проблеме определения сущности перевода // Слово и событие. Писатель и литература / Отв. ред. и сост. О. Е. Лебедева. М., 2010. С. 163.

³ Сочинений Тредьяковского. Изд. А. Смирдина. Т. 3. СПб., 1849. С. 649.

говорил Ю. М. Лотман: следуя за теорией «трансплантации» Д. С. Лихачева, он указывал на своеобразное перерождение иностранных текстов в русском переводе, приобретавших иные значения и новые функции на русской почве¹.

Действительно, перевод является одним из видов словесности, связанным с универсальной функцией интерпретации любого сообщения, не обязательно переведенного с другого языка. В этом смысле каждый человек постоянно существует в рамках «культурного перевода», считывая и интерпретируя знаки и символы². Стоит согласиться с Джорджем Стайнером в том, что «любая модель коммуникации — это одновременно и модель перевода», поэтому, «принимая речевое сообщение от любого человеческого существа, человек осуществляет акт перевода в полном смысле этого слова»³. Изучение перевода — это всегда изучение коммуникации, ее языковых особенностей и способов формирования знания о мире, поэтому переводческая деятельность шире, чем простой перенос единиц значений из одной информационной системы в другую⁴, это каждый раз конструирование нового текста на основе иноязычного источника и попытка соавторства, авторской интерпретации «чужого». В этом отношении история перевода в России XVIII века является неотъемлемой частью процесса развития новой языковой культуры вообще и политического языка в частности, и переводчики играют в этом процессе важнейшую роль, выступая не только агентами трансфера, но и сотворцами новых для русской культуры текстов.

Переводчики и культура перевода в России XVIII века

Для понимания «режимов перевода» в Европе раннего Нового времени, по мнению Питера Бёрка, необходимо ответить на шесть главных вопросов: «Кто переводит? С каким намерением?

¹ См.: Лотман Ю. М. «Езда в остров любви» Третьяковского и функция переводной литературы в русской культуре первой половины XVIII века // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 227.

² См.: Он же. Избранные статьи в 3 т. Т. 1. С. 34–45.

³ Steiner G. After Babel: Aspects of language and translation. 3rd ed. Oxford, 1998. P. 47.

⁴ Как отмечает Дж. Стайнер, «перевод — это не узкоспециальная, второстепенная деятельность в „зоне соприкосновения“ языков. Он есть постоянная и необходимая манифестация диалектической — сплавающей и разделяющей — природы речи». Ibid. P. 246.

Что? Для кого? В какой манере? С какими последствиями?»¹ Эти же вопросы стоит задать и русскому XVIII веку, чтобы понять, какое место перевод занимает в формирующейся светской культуре говорения о политическом.

Особенность творческой деятельности переводчика состоит не только в том, что он должен сделать доступной иноязычную информацию своему читателю, но и в своеобразном «присвоении» текста чужой культуры как самим переводчиком, через самостоятельное конструирование его заново, так и принимающей культурой, которая включает идеи, понятия и смыслы этого текста в свой интеллектуальный «арсенал». Переводя текст, переводчик присваивает чужой понятийный аппарат, ему приходится заново создавать понятия. Культура в целом (точнее акторы, которые существуют в рамках культуры как знаковой системы) присваивает эту информацию через чтение перевода и внедрение его понятий, идей, мотивов и образцов в свою языковую и поведенческую практику. Присвоение начинается в переводе или при чтении оригинала без перевода, когда читающий или переводящий соразмеряет чужой текст со своей системой ценностей и представлений, данных ему как члену своего социокультурного сообщества, поэтому чтение на иностранном языке по сути — уже перевод, реинтерпретация через призму представлений и стереотипов своей культуры. Начавшись как перевод, присвоение продолжается в чтении и усвоении переведенного текста, то есть для культуры присвоение — это всегда процесс, а не одномоментный акт. Несомненно, переводчик только один из многих агентов, которые участвуют в культурном трансфере, кроме него важную роль играют заказчики переводов, издатели и переписчики книг, книготорговцы и читатели. Однако во многом именно роль переводчика становится центральной в этом процессе. При этом переводчик — это агент принимающей культуры, у которой может быть несколько подобных агентов. Если есть несколько переводчиков одного текста, который они по-разному переводят, значит они обращаются к разным социокультурным группам, которые могут иметь разные вкусы и представления о правильном языке, манере

¹ Cultural Translation in Early Modern Europe. P. 11.

и точности перевода. Как правило, в такой ситуации переводческой конкуренции «образцовым» становится тот перевод, который более всего соответствует требованиям доминирующей в эту эпоху социальной группы, а вместе с изменением социального доминирования и ростом культурного соперничества подобные «образцы» меняются, а их число умножается.

Таким образом, присваивая оригинал, переводчик каждый раз ориентируется на определенную социальную группу. Если бы цель переводчика заключалась в том, чтобы понять текст самостоятельно, ему не нужно было бы, переводя, заново реконструировать текст на своем языке. Создание письменного перевода — всегда социальное действие, апелляция к своей языковой и культурной общности, попытка повлиять как на ее язык, так и на людей, которые говорят на этом языке. Таким образом, перевод является актом коммуникации (причем одновременно как на межкультурном, так и на внутрикультурном уровнях), но вместе с тем он самостоятелен по отношению к оригиналу и по отношению к «принимающей» культуре.

В этой ситуации переводчик — ключевая фигура: он выступает не просто как формальный агент трансфера-переноса (пушкинские «почтовые лошади Просвещения»), а как социальный актер, создающий свой текст и внедряющий его в культуру на основании определенных стратегий и практик. Как подчеркивает Маргрит Пернау, переводчик «не находит эквиваленты между языками, он создает их»¹. При этом перевод глубоко укоренен в социальном взаимодействии и властных отношениях, он служит индикатором культурных доминант и стереотипов, существующих в самом обществе². Так, на рубеже XVII–XVIII веков заказчиками переводов политических трактатов и наставлений выступали представители московской аристократической элиты,

¹ Pernau. Whither Conceptual History? P. 7.

² Д. М. Буланин опровергает применительно к Древней Руси романтическую концепцию перевода, в рамках которой переводчик часто рассматривается как сознательный творец. В XVIII веке, особенно в его первой половине, анонимные переводчики также не рассматривают себя «соперниками» автора, однако уже у В. К. Третьяковского появляются точно обозначенные претензии на творческий статус его переводов, хотя во многом переводчик этой эпохи является автором *malgré lui*, поскольку вынужден «приспособить» переводимый текст для определенной аудитории, соответствовать ее

которые не только читали на латыни, но и искали образцы, модели и понятийный аппарат на языке отечественной книжности для описания своих претензий на участие во власти, подобно польской аристократии¹. В этих переводах введение новой лексики сочетало прямую транслитерацию политического понятийного аппарата с принципом доместикации при объяснении неизвестных русской действительности явлений². Каждая национальная культура формируется только в сложном процессе «негоциации»: взаимовлияния, взаимообмена, отказов и принятия, переосмысления и внедрения новых смыслов в «принимаемые» понятия³. «Принимающая» культура, а вместе с ней и любой переводчик, прочитывает «принимаемое сообщение»

требованиям, вкусам и интересам, изобретать эквиваленты новых понятий. См.: Буланин Д. М. Гл. I. Древняя Русь // История русской переводной художественной литературы. Т. I. С. 22–23.

¹ См. об этом в разделе «Культура и власть» книги Пола Бушковича, который связывает интерес к изучению латыни и новую образовательную программу в среде русского боярства 1680–1690-х годов с изменениями политических представлений русской аристократии: Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть / Пер. Н. Л. Лужецкой. СПб., 2008. С. 442–450.

² Пример понятийной доместикации — перевод трактата Инносана Жантийе «Commentariolum de regno ... libri tres» в самом начале XVIII века. Переводчик объясняет, кто такой Никколо Макиавелли: «Флоренской речи посполитой (княжения) всенародный писец», то есть он — государственный секретарь (*publicum Scribam*) Флорентийской республики («Речи посполитой»). Интересно, что тут появляется амплификация «речь посполитая» — «княжение»: переводчик, понимая, что этот полонизм не может быть всем понятен, связывает республику с понятием «княжение», которое должно было вызвать у читателя родные (однако неверные) ассоциации. Макиавелли при этом создает «учение не нравов благих (*artem non Politicam*), но мучительских (*Tyrannicam*)». То есть переводчик, не уверенный в том, что его читатель поймет, что такое *ars Politica*, присваивает это понятие посредством введения вместо него другого, знакомого для древнерусской культуры и понятийно близкого по смыслу, понятия — «учение нравов благих». См.: ОР РНБ. Ф. 550. F.II.27. Л. 3.

³ Важно помнить, что сам процесс взаимного диалога культур не всегда может быть одномоментным, иногда он растягивается на поколения, так русская культура, преимущественно заимствуя в XVIII — первой половине XIX века, все больше становится диалогичной во второй половине XIX века, когда русская литература и общественная мысль приобретают важность для западноевропейских культур. В то же время уже в XVIII веке западноевропейские культуры проявляли интерес к русской истории и политике, о чем свидетельствуют переводы с русского на европейские языки, появляющиеся с петровской эпохи.

по-своему — так, как ей (ему) выгодно, присваивая, а значит переосмысливая чужой текст. В таком ракурсе «принимающая» культура перестает быть пассивной, она становится активным агентом межкультурного обмена.

Не стоит забывать, что в культуре раннего Нового времени переводчик мог выступать как соавтор текста, внося в него значительные изменения, сокращая «вредные» или опасные фрагменты или дополняя исходный текст своими вставками, меняя авторскую позицию на прямо противоположную, перенося место действия или переименовывая персонажей. Все это свидетельствует об «открытом режиме перевода» в ту эпоху, причем рукописный перевод приобретал черты «интерактивного посредника»¹, поскольку мог стать основой для заочного «диалога» читателя с автором или переводчиком на полях манускрипта, а иногда читатель превращался в соавтора переводчика, внося изменения и правку в сам перевод. Например, неизвестный русский читатель-пурист анонимного перевода книги шведского аристократа Юхана Оксеншерны «*Recueil de pensées*» постоянно правил стиль перевода и вносил замечания в текст рукописной книги: переправлял «шляхтичей» на «дворян», «героя» на «витязя», «антагониста» на «супостата», «театр» на «игральное позорище», «женский пол» на «баб», а «политику» на «градочиние или градаправительство»². А читатель «Разговора в царствии мертвых, во втором свидании между Густавом Адольфом королем Швецким и Карлом Первым королем аглинским», в одном из списков начала 1750-х годов внес такую обильную литературную правку, что фактически появилась новая редакция текста, которая начала распространяться в списках параллельно с первой редакцией 1720-х годов³. Конечно, читатель мог оставлять маргиналии и на полях печатного перевода, но рукопись предполагала иное отношение к тексту, особенно

¹ Burke P., Po-Chia Hsia R. (Eds). *Cultural Translation in Early Modern Europe*. Cambridge, 2007. P. 33–34.

² НИОР РГБ. Ф. 310. № 884. Собрание Размышлений о разных вещах господина комеса Ивана Оксестерна. Л. 58, 68 об., 69, 76, 82.

³ Там же. Ф. 528. № 7. Разговоры в царстве мертвых. Правка касалась грамматики, лексики и стиля. Вот для примера первая фраза из диалога (исправления выделены курсивом): «Королевство швецкое в малыя зачатыя годы 18 века такая бесчастия ~~искуство~~ *претерпело*, которые потомству причитания

если создатель и читатель рукописи совпадали, — рукописный текст становился полем для творчества переписчика: он мог вносить изменения уже в процессе создания списка.

Ярким примером творческого обращения читателя с рукописным переводом может служить редаKTура перевода петровского времени «*Breviarium Politicorum: seu Arcana Politica*» (1684) Джулио Мазарини, выполненная уже в середине XVIII века и фактически конструирующая на старой основе совершенно новый текст¹. Читатель-соавтор начал правку уже с названия, испещряя титульный лист тремя вариантами заголовка², а затем он сократил целые фрагменты текста, которые показались ему неважными, иногда заменяя длинный фрагмент перевода кратким пересказом его сути. Видимо, автор правки рукописи БАН.16.9.24 предполагал использовать свой перевод в коммерческих целях (распространять в рукописных копиях или напечатать в академической типографии): он не случайно изменил старое название, тщательно подбирая привлекательный «коммерческий» заголовок. Правка коснулась как стиля, так и языка перевода; часто «редактор» пересматривал и заменял

писанных о том историй почти ~~неудовверимо~~ *вероятны* покажутся». Л. 2. Список ОР ГИМ. Барс. 2347 прямо восходит к исправленной второй редакции этого перевода.

¹ ОР БАН. Ф. 31. № 16.9.24. Правдивое зеркало или откровенная политика. Оригинальный перевод «Краткой книжицы» был выполнен «с латинского на славенороссийский язык» в апреле 1709 года в Москве (Л. 1 об.). Судя по бумаге, список БАН был создан около 1748 года (филиграни на протяжении всей рукописи схожи — герб города Ярославля 3-го типа и литеры ЯӨЗ, соответсвуют — *Участкина* (1962) № 21, 1747 год и *Клешиков* (1958) № 785, 1748 год), следовательно, редактор работал после 1748 года, его скоропись типична для середины XVIII века.

² Оригинальный титул книги, зачеркнут: «Краткая книжица политических гражданских обходительных поступок по правилам Юлиа Мазарина, кардинала, и великаго управителя Королевства Французскаго. Напечатана во Франко Фурте лета 1697»;

1-й вариант, зачеркнут: «Откровенная политика или благоразумные правила обхождения»;

2-й вариант, зачеркнут (перечеркнутый фрагмент зачеркнут дважды): «Наука к благоразумному житию человеческого сочиненная Юлием Мазарином кардиналом, французскаго штатскаго министра и кардинала»;

3-й вариант: «Правдивое зеркало или откровенная политика сочинение Юлиема Мазаринема Кардиналом, и великим управителем Королевства французскаго».

архаичную лексику. При этом неясно, насколько он оглядывался на оригинал: можно предположить, что он работал только с текстом имевшегося в его распоряжении перевода. Вот удивительный пример «открытого режима» переводческой работы, когда читатель-соавтор просто отказался и от перевода, и от оригинала и выдал свое резюме исходного переводного текста, которое по всем формальным признакам является новым сочинением и по отношению к старому переводу, и к самому оригиналу:

Перевод 1709 года (зачеркнут целиком)

Которые люди zelo много у себя особливых и знатных разных вещей имеют, такая суть роскошники и мало богобоязнены. Так же и те которые вельми оружие красовитое имеют, мало почитай такая воины бывают, тако ж и которые ремесленники инструменты или снасти при себе хорошие ж держат, мало исправны бывают же, разве то для младости будет. Тако ж и те которые тшятся сверх пристойности о украшении телесном, красноличны, и любителны, то суть мало мудры, ибо забавляются болше собеседованием жен и охота их ко угождению оным суетными способы, ибо оное учение весма есть противно, а нелепообразные природу добрую наукою украшают¹.

Новый вариант «перевода» (после 1748 года)

Знак малоумных больше стараться о внешнем, нежели о внутреннем, больше приобретать орудие, нежели самое художество, больше украшать тело, нежели душу².

Текст здесь стал подлинно «интерактивным», читатель манускрипта создал альтернативную версию перевода на основе старого, нисколько не задумываясь о проблеме авторства, не соотнося свою редактуру с оригиналом, оставаясь столь же

¹ Оригинал: «Qui nimis arma decora habent, ferè parum milites; ninium instrumenta artis culta, parum artifices; nisi excuset aetas júvenilis. Item qui corpori nimis vacant, atque nimium formosi, & amabiles, sunt parum docti, Distrahuntur enim plerumque conversatione foeminarum, acstudium iis placendi artibus vanis eos à studiis severioribus arcet. Deformes naturam ulcisci solent studio virtutum». См.: Breviarium Politicorum secundum rubricas Mazarinicas, multis locis Auctius. Editio septima. Francofurti, 1697. P. 16.

² ОР БАН. Ф. 31. № 16.9.24. Л. 14 об. — 15.

анонимным, как и первый переводчик, руководствуясь при исправлении текста исключительно своими представлениями о верности перевода и стилистической точности. Другими словами, он утратил роль обычного посредника, поскольку не стремился точно передать мысли и идеи оригинала. Становясь соавтором, он создал свой оригинальный текст.

В целом европейская культура XVIII века во многом строилась вокруг перевода и интерпретации уже известных текстов. Как утверждает Джейкоб Солл, критический дух Просвещения выражался не в стремлении «создавать великие книги и идеи, а скорее в том, чтобы переводить, изучать, компилировать, переиздавать и критиковать существующие произведения»¹. Новые явления, идеи и веяния эпохи часто возникали вокруг перевода («Энциклопедия» Дидро и Д'Аламбера) и комментирования уже существующих текстов («Анти-Макиавелли» Фридриха II). Поэтому поиск «оригинального» не всегда может быть связан с анализом оригинальных сочинений русских авторов этой эпохи. Перевод уже выступает самостоятельным фактом культуры, достойным специального анализа как явление русской мысли XVIII века. То, что определенный текст был осознанно выбран для перевода, а переводчик и публикатор приложили немало труда, чтобы представить его читающей публике, наделяет перевод значением источника по истории русской политической мысли и культуры своего времени.

II. КОНТЕКСТ И СТАТИСТИКА

Трудно понять роль перевода в культуре изучаемой нами эпохи, не представляя, какое место переводная литература занимает во всем корпусе печатной продукции. Анализируя данные о книжном рынке, мы можем, в частности, получить представление об основных тематических направлениях переводческой деятельности, как и о том, какие жанры литературы считались приоритетными в среде переводчиков и издателей. В ходе создания базы данных русских переводов общественно-политических

¹ *Soll J. Publishing The Prince: History, Reading, & the Birth of Political Criticism. University of Michigan Press, 2005. P. 4.*

текстов¹ участники проекта провели подсчеты общего количества публикаций на русском языке, сделанных в XVIII веке. Мы опирались как на главные печатные каталоги, так и на электронные каталоги крупнейших российских библиотек — Российской национальной библиотеки и Российской государственной библиотеки.

*Русский и другие европейские рынки книги:
возможности для сравнения*

Чтобы посмотреть на историю русской книги и историю перевода в России на общеевропейском фоне, необходимо сравнить русский книжный рынок с другими крупными книжными рынками Европы. Но возможно ли это?

Данные по количеству книжной продукции могут сильно различаться в зависимости от того, что мы считаем книгой. Так в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века»² мы можем найти брошюры объемом в 6–8 страниц. Во французских исследованиях истории книги во Франции XVIII века чаще всего книгой считается издание более 47 страниц. Эта граница была установлена французскими властями уже в XVIII веке, чтобы отличать книги (*livres*) от брошюр (*livrets*). Этот критерий использует, например, Анри-Жан Мартен, один из авторитетных исследователей истории книги во Франции XVII–XVIII веков, но существуют и другие подходы³, и учет книжной продукции объемом менее 48 страниц радикально меняет данные. Клодин Адам, которая исследовала историю книгопечатания в Тулузе, учитывала брошюры (которые она называет *plaquette*) и выяснила, что типографские издания от 1 до 47 страниц представляют 77% всей (сохранившейся) продукции типографий Тулузы за период с 1739

¹ Напомним, что речь идет о проекте Германского исторического института в Москве, сайт которого находится по адресу: <https://krp.dhi-moskau.org>.

² Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. В 5 т., 1 т. доп. М., 1962–1975. О наших критериях отбора см. ниже.

³ Жан Кеньяр придерживается границы в 50 страниц, Жан-Доминик Мелло — в 30 страниц. *Adam Cl. Les imprimeurs-libraires toulousains et leur production au XVIIIe siècle (1739–1788). Nouvelle édition (электронное издание)*. Toulouse, 2015. <http://books.openedition.org/pumi/15339> (последнее обращение — 06.07.2021), § 11, 48.

по 1788 год¹. Сравнение между книжными рынками становится еще более сложным, если учитывать формат изданий².

Все это показывает, что сравнивать данные российских каталогов с данными зарубежных, в частности французских, исследователей книги очень сложно. Даже без учета брошюр и ограничиваясь периодом с 1723 по 1789 год, по которому во Франции мы располагаем достаточными источниками, количество известных французских изданий в разы превышает число книг, вышедших в России XVIII века. Основываясь на реестрах так называемых «привилегий», то есть публичных разрешений печатать книгу, и реестрах «негласных разрешений»³, которые известны исследователям, главным образом, за вторую половину века, Франсуа Фюре насчитывает около 44 000 французских изданий⁴. Доля публикаций менее 48 страниц была, конечно, намного больше в провинциальных французских типографиях (которые работали в значительной степени на провинциальную администрацию, издававшую множество объявлений с небольшим количеством страниц), чем в парижских, но в любом случае, при учете публикаций объемом менее 48 страниц число изданий, вышедших во Франции XVIII века, вероятно, увеличится многократно.

Такой объем французской печатной продукции не удивляет. Французский был международным языком, на котором читали книги по всей Европе, поэтому французский книжный рынок обслуживал далеко не только французского читателя и конкурировал в этом смысле с другими книжными рынками, на которых число изданий на французском языке было значительным — издателями Женевы, Лондона, Амстердама и так далее⁵.

¹ Adam. Les imprimeurs-libraires toulousains. § 161–163.

² Martin H.-J. Une croissance séculaire // Chartier R., Martin H.-J. (Dir.). Histoire de l'édition française. Т. 2. Le livre triomphant. Paris, 1984. P. 113–127, здесь p. 113.

³ Об истории этих терминов и о критике этих источников см.: Furet F. La «librairie» du royaume de France au 18e siècle // Bollème G., Ehrard J., Furet F., Roche D., Roger J. Livre et société dans la France du XVIIIe siècle. Post-face d'A. Dupront. Paris; La Haye, 1965. P. 3–32, здесь p. 4–7.

⁴ Furet. La «librairie» du royaume de France au 18e siècle. P. 7, 8, 13.

⁵ Согласно сведениям базы данных «Корпус беллетристики XVIII века» (<http://intraduction.huma-num.fr/traduc/corpus>), за последнюю четверть века почти

В этом отношении Россия находилась на периферии книжной Европы, хотя, даже находясь на периферии, она участвовала в этом общеевропейском процессе, публикуя книги на наиболее популярных европейских языках того времени. Всего за XVIII век в России было издано около 3500 изданий на иностранных языках, что очень много, учитывая, что книг на русском языке, напечатанных гражданским шрифтом, было издано менее 10 тысяч. По количеству изданных французских переводов беллетристики за последние 15 лет XVIII века Санкт-Петербург занимает восьмую позицию среди других крупных центров книги в Европе¹.

Кроме того, Франция в эту эпоху представляла собой во многом сложившийся книжный рынок, который активно развивался уже в XVII веке, в то время как в России массовое производство книги началось только в XVIII столетии и, скорее, во второй его половине.

Есть и еще некоторые отличия, которые чрезвычайно затрудняют сопоставление этих книжных рынков. Во Франции в XVIII веке существовало большое количество частных типографий, в то время как в России официально частные типографии были разрешены только в 1783 году². Казалось бы, значительная централизация книжного рынка как в России, так и во Франции (благодаря тому что парижские издатели находились в европейском центре литературы и науки) позволяет сопоставить их, однако во французской провинции число частных

85% всех переводов литературных произведений на французский язык было издано в Париже, однако более полная информация, включающая все переводы, пока недоступна. О голландском книжном рынке, особенно на протяжении «золотого века», см., например: *Pettegree A., Weduwen A. der. The Bookshop of the World. Making and Trading Book in the Dutch Golden Age.* L.; New Haven, 2019.

¹ Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке: В 3 т. М., 1984–1986; и данные с сайта <http://intraduction.humanum.fr/traduc/statistique> (последнее обращение — 04.06.2021).

² Полное собрание законов Российской империи: собрание первое: с 1649 по 1825 год (далее — ПСЗ). СПб., 1830. Т. 21 (1781–1783). № 15634. Отдельные частные типографии существовали с 1770-х годов. Так, в 1771 году Гартунг получил разрешение завести типографию для публикации книг на иностранных языках. ПСЗ. Т. 19 (1770–1774). № 13572. В 1776 году Вейтбрехт и Шнор получили аналогичное разрешение завести типографию для печатания книг на русском и иностранном языках. ПСЗ. Т. 20 (1775–1780). № 4495.

типографий и количество выходявшей там книжной продукции все-таки было весьма существенным в отличие от России¹.

История перевода и статистический подход

Исследований о переводе как явлении и об отдельных переводах в России XVIII века было опубликовано немало, но большинство ученых не занимается статистической обработкой данных. Как правило, рассматриваются главные тенденции в переводе прозы и поэзии в ту эпоху, описываются центры переводческой деятельности (Академия наук, Сухопутный шляхетный кадетский корпус, двор), показывается отношение общества к тем или иным переводным жанрам, уделяется внимание переводам отдельных писателей, но опять же с точки зрения оценки качества переводов, их восприятия в обществе, но очень редко с использованием статистических методов². Некоторые исследователи, конечно, прибегали к статистическим методам, анализируя производство и бытование книги в России в XVIII веке, — среди них больше всего для внедрения этого подхода сделали Сергей Павлович Луппов и ученые его круга³. Но ко всему объему

¹ О том, насколько скромным был вклад провинциальных русских типографий в русскую книжную продукцию того времени, см.: *Marker. Publishing, printing, and the Origins of Intellectual Life in Russia*. Ch. 5.

² В качестве примера можно упомянуть такие важные для изучения русского художественного перевода работы, как: *Левин Ю. Д.* (Отв. ред.). *История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век*. Т. 1. Проза. СПб., 1995; Т. 2. Драматургия. Поэзия. СПб., 1996; *Баренбаум И. Е.* *Французская переводная книга в России в XVIII веке*. М., 2006. Справедливости ради надо отметить, что авторы «Истории русской переводной художественной литературы» эпизодически обращаются к статистическим данным, но редкость таких обращений в целом подчеркивает, что фокус их исследований лежит совсем в другой плоскости. См., например: *Левин Ю. Д.* Глава 4. Начало 1760 — середина 1780-х годов: просветительство // *История русской переводной художественной литературы*. Т. 1. С. 143.

³ См., например (в хронологическом порядке): *Луппов С. П.* *Книга в России в первой четверти XVIII века*. Л., 1973; *Он же.* *Книга в России в послепетровское время 1725–1740*. Л., 1976; *Библиотека Петра I: Указатель-справочник* / Сост. *Е. И. Боброва*. Л., 1978; *Он же.* *Типография Сухопутного шляхетного кадетского корпуса в 1757–1763 гг. и ее заказные издания* // *Луппов С. П.* (Отв. ред.). *Книги и библиотеки в России в XIV — первой половине XIX века. Сборник научных трудов*. Л., 1982. С. 5–25; *Копанев Н. А.* *Французские книги в Летнем доме императрицы Елизаветы Петровны* // Там же. С. 26–41; *Фундаментальный М. И.* *Библиотека русского ученого XVIII века А. П. Протасова* //

печатной продукции в России XVIII века статистический анализ применялся, насколько нам известно, только в старом исследовании Василия Васильевича Сиповского¹. Однако Сиповский не имел в своем распоряжении таких точных инструментов для исследования, как «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века», вышедший уже в советское время, и его данные сегодня невозможно проверить, да и критерии его подсчетов не всегда ясны. Среди исследователей недавнего времени к статистической обработке данных о печатной продукции той эпохи обращались Гэри Маркер в своей книге об издательском деле в России XVIII века², К. Д. Бугров и М. А. Киселев³, которые во многом опирались на подсчеты Г. Маркера, а также А. Ю. Самарин⁴. Однако до проекта Германского исторического института в Москве анализ всего массива данных о русской гражданской печати с использованием большого количества параметров не делался⁵.

В других странах существует мало похожих по тематике и охвату материала общедоступных баз данных, которые представляли бы весь репертуар переводной литературы или значительную его часть за длинный отрезок времени. Более всего в этом отношении повезло переводам на французский язык.

Там же. С. 56–67; *Зайцева А. А.* Академия наук и частные книгопродавцы в конце XVIII века // Там же. С. 100–113; *Хотеев П. И.* Французская книга в библиотеке Петербургской Академии наук (1714–1742 гг.) // *Луппов С. П.* (Отв. ред.). Французская книга в России в XVIII в. Очерки истории. Л., 1986. С. 5–56; *Копанев Н. А.* Распространение французской книги в Москве в середине XVIII в. // Там же. С. 59–172.

¹ *Сиповский В. В.* Из истории русской литературы XVIII века. Опыт статистических наблюдений. I–II. СПб., 1901.

² *Marker.* Publishing, printing, and the Origins of Intellectual Life in Russia. P. 60, 73, 88, 132, 141, 165 и так далее.

³ *Бугров, Киселев.* Естественное право и добродетель. См. таблицы на с. 20–21, 23.

⁴ См., например: *Самарин А. Ю.* Читатель в России во второй половине XVIII века (по спискам подписчиков). М., 2000 (эта работа полностью основана на применении статистических методов); *Он же.* Типографщики и книгогочеты. Очерки по истории книги в России второй половины XVIII века. 2-е изд., испр. и доп. М., 2015. С. 75–79, 146–148, 279–287, 302, 309 и так далее.

⁵ Наши базы данных, конечно, будут в дальнейшем уточняться, и эти уточнения будут отражаться в графиках и таблицах на уже указанном сайте проекта: <https://krp.dhi-moskau.org/ru/page/intro>.

Сайт «Intraduction : Traduire en français, 18e–19e siècles»¹ объединяет две базы данных, «Литературные переводы на французский, 1840–1915» и «Корпус беллетристики XVIII века»². Последняя представляет собой собрание библиографических сведений о переводах литературных произведений (прежде всего, поэзия, проза и драматургия) с любых языков на французский с 1776 по 1812 год. На сайте можно получить доступ к статистическим сведениям, генерируемым на основе базы данных по ряду категорий (с указанием как абсолютных значений, так и долей в процентах от общего числа переводных изданий): главные переводимые авторы, переводчики, издатели, места издания, языки и жанр оригинальных произведений, а также «маркеры перевода» — идет ли речь о точном или вольном переводе или имитации³. Этот сайт дает нам некоторые возможности для сравнения с российским рынком переводов, которые мы используем в последующих частях этого раздела.

Гражданская и кириллическая печать

Согласно «Сводному каталогу русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800» (1962–1975, далее — СКГП) и «Описанию изданий гражданской печати. 1708 — январь 1725 г.» (1955), в главных

¹ <http://intraduction.huma-num.fr/> (последнее обращение — 04.06.2021). Эти базы данных были созданы в рамках проекта «La transculturalité des espaces nationaux. Processus de traduction, figures de médiation et effets socioculturels des transferts littéraires en Europe, 1750–1900» под руководством К. Шарля (С. Charles), Х.-Ю. Люзебринка (Н.-J. Lüsebrink) и Й.-Г. Микса (Y.-G. Mix). База данных литературных переводов на французский язык с 1776 по 1812 год была подготовлена под руководством И. Авеланж (I. Havelange) и С. Жюратик (S. Juratic) (CNRS, IHMC). Р. Райхардт (R. Reichardt) и Х.-Ю. Люзебринк подготовили базу данных переводов с французского на немецкий (Deutsch-Französische Übersetzungsdatenbank, 1770–1815), в которой были записи о примерно семи тысячах книг и десяти тысячах статей, но которая так и не была опубликована. Некоторые статистические данные на основе этого корпуса были опубликованы в: Lüsebrink H.-J., Reichardt R., Keilhauer A., Nohr R. (Hrsg.). Kulturtransfer im Epochenumbruch. Frankreich/Deutschland 1770–1815. Leipzig, 1996, 2 Bde.

² <http://intraduction.huma-num.fr/traduc/corpus> (последнее обращение — 22.07.2021). Эта база данных подготовлена на основе двух библиографий: Conlon P. Le Siècle des Lumières: bibliographie chronologique. Genève, 1983–2009. 32 vol.; Monglond A. La France révolutionnaire et impériale: annales de bibliographie méthodique et description des livres illustrés. Grenoble; Paris, 1930–78. 10 vol.

³ <http://intraduction.huma-num.fr/traduc/statistique> (последнее обращение — 04.07.2021).

библиотеках СССР сохранилось около 9500 книг на русском языке, напечатанных гражданским шрифтом в России с 1708 года по конец века¹, причем около 7350 книг из этого числа вышли за последнюю четверть века². К изданиям из каталога 1955 года мы применили критерии, которые выбрали составители СКГП³.

Как известно, в печатной продукции, выходящей в России в XVIII веке, было два корпуса: книги кириллической печати⁴ и книги гражданской печати. Первый представляет собой, прежде всего, религиозную православную литературу, второй — в основном литературу светскую⁵, хотя понятно, что

¹ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века; Описание изданий гражданской печати. 1708 — январь 1725 г. / Сост. Т. А. Быкова, М. М. Гуревич; ред. и вступ. ст. П. Н. Беркова. М.; Л., 1955. Естественно, эти данные не являются полными, но, учитывая размах этого проекта и тщательность подготовки каталога, можно считать, что цифра приблизительно отражает корпус сохранившихся книг.

² См.: *Marker. Publishing, printing, and the Origins of Intellectual Life in Russia*. P. 106. Мы не учитывали книги кириллической печати. За последнюю четверть XVIII века было издано около 500 книг, напечатанных кириллическим шрифтом. *Ibid*.

³ Авторы-составители упомянутых каталогов придерживались различных критериев отбора материала. Для того чтобы информацию из разных каталогов можно было использовать в рамках одной базы данных для получения прозрачных результатов, в основу нашей базы данных были положены критерии, выбранные составителями СКГП как наиболее объемного и полного. Мы следовали, в частности, следующим критериям: 1. Включались издания объемом не менее пяти страниц; для изданий меньшего объема, принадлежащих авторам, чьи книги вошли в каталог, делалось исключение. 2. Издания законодательных актов и другие документально-актовые материалы включались при условии наличия у них титульного листа или конкретного заглавия; исключение делалось для некоторых документов, изданных без заглавия, но известных в историографии. 3. Многотомные издания учитывались по году выхода первого тома как одна книга. 4. Периодические издания не учитывались в этой базе данных.

В приводимых ниже подсчетах мы округляли цифры (в одних случаях до процента, в других до сотой доли процента), поэтому в отдельных случаях сумма всех процентов может слегка отличаться от 100%.

⁴ Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVIII века / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Отд. ред. кн.; сост. А. С. Зернова, Т. Н. Каменева. М., 1968; Гусева А. А. Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации. М., 2010.

⁵ См. данные Г. Маркера, который за период с 1725 по 1755 год насчитал 375 религиозных изданий кириллической печати и только 7 религиозных изданий гражданской печати. *Marker. Publishing, printing, and the Origins of Intellectual Life in Russia*. P. 59.

православная литература не ограничивается исключительно кириллической печатью, так же как среди изданий кириллической печати есть книги, которые трудно отнести к религиозной литературе в чистом виде, — например, книги для обучения (всевозможные азбуки и буквари, выходившие огромными для XVIII века тиражами), которые могли включать молитвы и другие церковные тексты. Встречаются даже отдельные издания, не имеющие никакого отношения к церкви (как до введения гражданского шрифта в 1708 году, так и после). Поэтому мы не будем рассматривать эти два корпуса с точки зрения их соотношения с религиозной литературой.

Сравнивать гражданскую печать с кириллической сложно и даже едва ли корректно еще по одной причине: существующие каталоги кириллической печати не охватывают весь ее репертуар за XVIII век. Сводный каталог А. А. Гусевой (2010) включает только издания московских и петербургских типографий, как и каталог Зерновой и Каменевой (1968). В то же время СКГП учитывает всю доступную нам сегодня книжную продукцию, изданную на территории Российской империи гражданским шрифтом. Реальное число книг кириллической печати, конечно, больше, чем то, которое мы приводим ниже по каталогу 1968 года.

Для большей корректности сравнения в трех следующих таблицах мы не учитывали книги, напечатанные гражданским шрифтом в провинции. Мы разбили весь век на четыре равных периода и сравнили динамику выхода изданий гражданской¹ и кириллической печати (*табл. 1 и 2*).

Доля изданий кириллической печати в общем объеме книжной продукции падает, но в первой половине века очень незначительно, а большое падение происходит только во второй половине века, как это и показал уже Г. Маркер². Очевидно также, что, хотя доля изданий кириллической печати уменьшалась, в абсолютном выражении этот сегмент продолжал расти, особенно во второй половине века, хотя и незначительно

¹ Напомним, что гражданская печать начинает свое существование только в 1708 году.

² Marker. Publishing, printing, and the Origins of Intellectual Life in Russia. P. 60, 68, 84.

Таблица 1. Соотношение числа изданий гражданской и кириллической печати

Период	1701–1725	1726–1750	1751–1775	1776–1800
Гражданская печать	284	383	2169	6170
Кириллическая печать	255	287	444	503
Всего	539	670	2613	6673

Таблица 2. Процентная доля гражданских и кириллических изданий

Период	1701–1725	1726–1750	1751–1775	1776–1800
Гражданская печать	52,69	57,16	83,01	92,46
Кириллическая печать	47,31	42,84	16,99	7,54
Всего	100	100	100	100

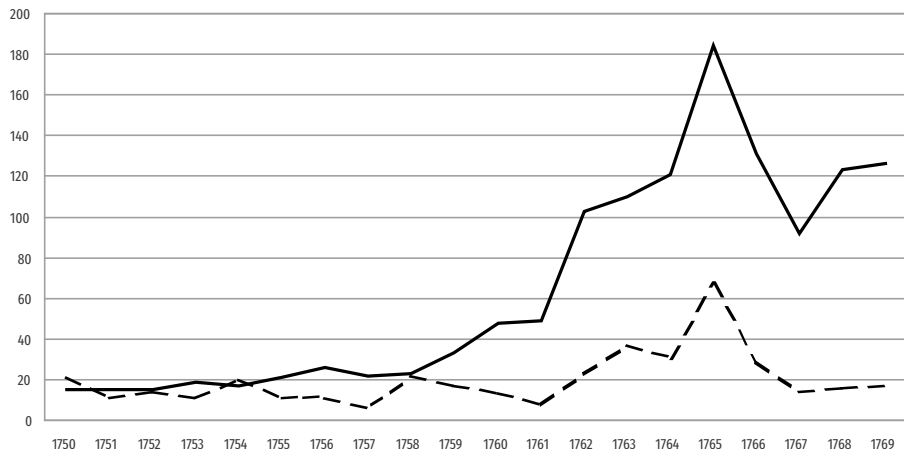
Таблица 3. Динамика изменения соотношения между гражданскими (без провинциальных) и кириллическими изданиями в 1750-е годы

Год	Гражданская печать	Кириллическая печать	Всего	Процент изданий кириллической печати
1750	15	21	37	58,33
1751	15	11	26	42,31
1752	15	14	29	48,28
1753	19	11	30	36,67
1754	17	20	37	54,05
1755	21	11	32	34,38
1756	26	11	37	29,73
1757	22	6	28	21,43
1758	23	22	45	48,89
1759	33	17	50	34,00
Всего	206	144	351	41,14

Таблица 4. Динамика изменения соотношения между гражданскими и кириллическими изданиями в 1760-е годы

Год	Гражданская печать	Кириллическая печать	Всего	Процент изданий кириллической печати
1760	48	13	61	21,31
1761	49	8	57	14,04
1762	103	23	126	18,25
1763	110	37	147	25,17
1764	121	31	152	20,39
1765	184	67	251	26,69
1766	131	29	160	18,13
1767	92	14	106	13,21
1768	123	16	139	11,51
1769	126	17	143	11,89
Всего	1087	255	1342	19,00

График 1. Динамика изменения соотношения между числом гражданских и кириллических изданий в 1750–1760-е годы
(сплошная линия — изменение количества изданий гражданской печати; пунктирная линия — изменение количества изданий кириллической печати)

по сравнению с гражданской печатью, которая переживает настоящий бум в царствование Екатерины II.

Когда разрыв между двумя сегментами — гражданской и кириллической печатью — стал особенно большим? Посмотрим на данные (табл. 3, 4).

Если основываться на данных только московских и петербургских типографий, в 1750-е годы по количеству изданий кириллическая печать совсем немного уступает гражданской¹.

Гражданская печать существенно обгоняет печать кириллическую только в 1760-е годы, причем это происходит еще до восшествия на престол Екатерины II. Разрыв между ними продолжает увеличиваться в последующие годы, как показывают таблицы 1 и 2. Отообразим эти изменения на графике 1.

Выделим временные отрезки (первая/последняя четверти века; первые/последние 15 лет; первое/последнее десятилетие) и посмотрим на рост гражданской печати в целом за век (до 1708 года мы учитывали всю книжную продукцию) (табл. 5).

¹ Сразу же оговоримся, что не следует считать, что разделение на кириллический и гражданский шрифт полностью совпадает с делением на корпус церковно-славянской и русской литературы, среди книг, напечатанных кириллическим шрифтом, есть и книги на русском языке, и их выявление представляет собой отдельную исследовательскую задачу.

Таблица 5. Динамика роста числа печатной продукции (гражданские и кириллические издания) на протяжении XVIII века

<i>Первая/последняя четверти века</i>		
<i>Период</i>	<i>Количество</i>	<i>Рост (%)</i>
1701–1725	543	1192
1776–1800	7017	

<i>Первые/последние 15 лет века</i>		
<i>Период</i>	<i>Количество</i>	<i>Рост (%)</i>
1701–1715	397	1293
1786–1800	5532	

<i>Первое/последнее десятилетие века</i>		
<i>Период</i>	<i>Количество</i>	<i>Рост (%)</i>
1701–1710	138	2088
1791–1800	3019	

Сравнение первых и последних десяти лет дает рост печатной продукции в 20 с лишним раз, а сравнение первой и последней четверти века, первых и последних пятнадцати лет приводит к весьма отличным цифрам — увеличение в 12–13 раз, что можно объяснить прогрессом книгопечатания во второй половине царствования Петра I, после введения печати гражданским шрифтом в 1708 году. Начиная XVIII век с минимальных значений, русский книжный рынок показывает впечатляющий рост за весь век, хотя, повторим, его трудно сравнить с более развитыми книжными рынками Европы. Так, во Франции в XVII веке количество книжной продукции выросло примерно в три с половиной раза, а в XVIII веке — приблизительно в три раза (согласно Керару), однако по сравнению с французским книжным рынком в России мы имеем дело со сравнительно небольшим объемом книжной продукции — по числу печатных изданий русский книжный рынок в конце XVIII века выглядит так, как французский в его начале¹. Еще более впечатляющим выглядит британский книжный рынок, где за XVIII век было издано, вероятно, не менее

¹ *Martin*. Une croissance séculaire. P. 114, 120; <https://krp.dhi-moskau.org/ru/page/chron>.

200 000 книг¹. Российский книжный рынок имеет по крайней мере одно неоспоримое преимущество — его скромную по объему книжную продукцию гораздо проще проанализировать статистически.

Переводы и оригинальная литература на русском языке

Сделав обзор изменения объема гражданской и кириллической печати за XVIII век, рассмотрим место переводных книг в корпусе гражданской печати, в котором, в отличие от кириллической печати, переводная литература играла важнейшую роль. В нашей базе книг гражданской печати, содержащей издания с 1708 года по конец века, 3860 названий являются переводами, это примерно 40% от всего числа изданий гражданской печати в России².

Много это или мало в контексте Европы того времени? Единственный рынок, по которому у нас есть подобные данные, — французский, где с 1716 по 1786 год доля переводов составляет чуть более 5%, и отклонения от этой цифры незначительны: от 3% (1736) до 7% (1771)³. Однако, учитывая, что французский рынок на порядок крупнее российского, в абсолютных цифрах это все-таки весьма значительный корпус переводов. Количество переводов в России можно сопоставить и с числом переводов с французского на немецкий язык с 1770 по 1815 год. За этот период исследователи обнаружили по меньшей мере 6618 таких переводов, не считая 9318 переводов в периодической прессе⁴. Таким образом, очевидно, что общее число переводов

¹ См.: Feather J. British Publishing in the Eighteenth Century: a preliminary subject analysis // The Library. 1986. Vol. s6–VIII. Issue 1. March. P. 32–46.

² Сведения из базы данных, составленной на основе Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века и базы данных переводов общественно-политической литературы, см. <https://knp.dhi-moskau.org>.

³ Данные на основе подсчетов, сделанных Сабинной Жюратик (Sabine Juratic) и ее коллегами. Подсчеты делались с шагом в пять лет, общий корпус составляет примерно 17 700 изданий. Juratic S., en collab. avec Cointre A., Dosquet E., Faubert S., Havelange I., Pellegrin N., Weil F. Chapitre III. La traduction, un objet éditorial // Chervrel Y., Cointre A., Tran-Gervat Y.-M. Histoire des traductions en langue française. XVIIe–XVIIIe. 1610–1815. P., 2014. P. 187–248, здесь p. 190.

⁴ Lüsebrink H.-J., Nohr R., Reichardt R. Kulturtransfer im Epochenbruch — Entwicklung und Inhalte der französisch-deutschen Übersetzungsbibliothek 1770–1815 im Überblick // Lüsebrink H.-J., Reichardt R. (Hrsg.). Kulturtransfer im Epochenbruch. Frankreich — Deutschland, 1770–1815. Leipzig, 1997. S. 29–86, здесь S. 35.

на русский язык в XVIII веке выглядит не таким большим по сравнению с другими крупными европейскими рынками книги, однако доля переводов в массиве русской книги этой эпохи очень большая, что, конечно, объясняется не только интенсивностью переводческой деятельности, о которой мы будем говорить, но и незначительным количеством оригинальных изданий на русском языке, в отличие от Франции, Великобритании, немецких государств и так далее. Важно при этом отметить, что, как и в случае упомянутых европейских стран, в России речь идет почти исключительно о переводах с европейских языков, что хорошо иллюстрирует ориентацию русского общества на европейские культурные модели как до, так и после появления в России частных типографий в 1780-е годы.

До 1760-х годов количество вышедших книг на русском языке было более чем скромным, и столь же незначительным было число печатных переводов. Однако не следует забывать, что в этот период рукописная традиция перевода играла в России более важную роль, чем перевод печатный. Это верно в отношении литературы разных жанров, в том числе в отношении «политической» литературы в широком смысле, как это показывает С. В. Польской в своей статье, публикуемой в данной книге. Однако рукописную традицию перевода, по справедливому замечанию К. Д. Бугрова, не следует рассматривать как подготовительный этап печатного перевода¹. Они сосуществовали долгое время и после того, как печатные станки в России заработали на полную мощность².

Существенное увеличение числа публикаций в России начинается при Екатерине II и объясняется в некоторой степени восшествием на престол новой императрицы. Мы видим в 1762 и 1763 годах целую вереницу од: если в 1760 году, кажется, не было напечатано ни одной оды (мы учитывали только отдельные издания), а в 1761 году всего три, то в 1762 году их вышло не менее 26, а в 1763 году не менее 15. Также появился ряд других

¹ Бугров, Киселев. Естественное право и добродетель. С. 26.

² О функциях рукописной и печатной традиции и формах их сосуществования в России XVIII века см.: Marker G. The eighteenth century: from reading communities to the reading public // Rebecchini D., Vassena R. (Eds). Reading Russia. A history of reading in modern Russia. Vol. 1. Milano, 2020. P. 77–115, здесь p. 94.

Таблица 6. Доля переводов среди всех изданий гражданской печати с 1759 по 1763 год¹

Год/категория	Все издания	Из них переводы
1759	33	16 (48,48%)
1760	48	28 (58,33%)
1761	49	28 (57,14%)
1762	105	38 (36,19%)
1763	112	47 (41,96%)

График 2. Соотношение оригинальных русских сочинений и переводов, 1730–1800 годы

сочинений, связанных с началом нового царствования, — в частности, описания фейерверков. Но не только одам и фейерверкам мы обязаны увеличением числа публикаций в эти годы. Заметно возросло число переводов (табл. 6), причем рост заметен еще до восшествия на престол Екатерины II, а при новой императрице этот процесс стал быстро набирать обороты.

Соотношение оригинальной и переводной литературы после окончания петровской эпохи до конца XVIII века представлено на графике 2.

По числу изданий 1788 год стал вершиной в книгоиздательском деле в России XVIII века. С 1761 года, то есть года, предшествующего восшествию на престол Екатерины II, до 1788 года число оригинальных русских книг увеличилось более, чем в 7 раз, а число переводов выросло почти в 10 раз.

¹ Здесь и далее мы рассматриваем только переводы гражданской печати, в корпусе кириллической печати переводов было мало, и их учет почти не влияет на результаты нашего исследования.

Какие издатели больше других внесли лепту в достижение такого впечатляющего результата в издании книг в екатерининской России? Продукция некоторых типографий на протяжении 1780-х — начала 1790-х годов оставалась мало подверженной изменениям (наиболее крупной из таких была типография Академии наук), но гораздо чаще после разрешения заводить частные типографии, последовавшего в 1783 году, казенные учреждения стали публиковать меньше книг: это касается, например, типографий Сухопутного шляхетного кадетского корпуса и Морского кадетского корпуса. Заработали частные типографии, некоторые из уже существовавших стали увеличивать число выпускаемых изданий (типографии И. К. Шнора, М. Пономарева, М. Овчинникова, Б. Л. Гека, Богдановича и так далее). Самой продуктивной — причем с большим отрывом — была в эти годы Типографическая компания, образованная в 1785 году Н. И. Новиковым, который де-факто управлял ею, и московскими масонами-розенкрейцерами его круга. В 1788 году Типографическая компания опубликовала не менее 89 книг, к которым нужно добавить 72 книги, изданные Университетской типографией, также находившейся под контролем Новикова. Это почти 40% всех книг гражданской печати, изданных в России в 1788 году. Однако уже в 1789 году доля книг, изданных Новиковым, упала до 15%.

Этот книжный бум был связан не только с развитием частных типографий, но и с популярностью переводов, которые выходили все чаще. Если в 1786 году число оригинальных русских изданий еще превышало число переводов (135/116), то в 1787 году оригинальные русские книги уже уступали пальму первенства переводам (167/191), а в 1788 году разрыв между ними увеличился еще больше (154/256). По этим цифрам видно, что рост числа переводов был почти взрывным. Причины такой диспропорции, вероятно, в недостатке оригинальных русских сочинений и в большом читательском спросе, который можно было удовлетворить за счет переводов. Именно частные типографии внесли самый большой вклад в такое быстрое увеличение числа переводов. Так, за период с 1773 по 1793 год число книг, изданных Новиковым, превысило 900, из них почти 540 были переводами, что составляет почти 60% всего репертуара книг этого издателя.

С началом революции во Франции и последовавшими за этим трудностями с доставкой печатной продукции в Россию, а также с введением цензуры количество переводных книг резко уменьшилось в 1789 и 1790 годах, возвратившись к уровню 1786 года. Интересно, что в 1790 году число оригинальных русских сочинений снова пошло вверх, причем довольно резко, и обогнало переводную литературу почти в два раза. Далее мы видим очередной упадок издательской деятельности начиная с 1795 года, что объясняется введением строгого цензурного контроля, в частности применением указа, подписанного Екатериной II 16 сентября 1796 года, незадолго до ее смерти, которым упразднялись частные типографии¹.

С каких языков переводили в России?

В исследовательской литературе высказывалась мысль о том, что рассмотрение «национальной принадлежности» переводимых произведений нецелесообразно в силу того, что для русского читателя XVIII века «национальный характер» источника представлял второстепенный интерес, а путь некоторых произведений до русского читателя проходил через перевод-посредник². Как нам кажется, делать столь широкие обобщения вряд ли возможно, ведь читатели были очень разными и по социальному происхождению, и по своей культуре³. Однако в данном случае нас интересует не восприятие человека того времени, а оценка культурного разнообразия переводной литературы, которое, конечно, зависело от того, из какого языкового и культурного резервуара приходили в Россию произведения, которые переводились на русский язык.

Французский занимает лидирующие позиции среди языков, с которых переводили в XVIII веке в России, за ним следует

¹ Указ «Об ограничении свободы книгопечатания и ввоза иностранных книг; об учреждении на сей конец ценсур в городах: Санктпетербурге, Москве, Риге, Одессе и при Радзивилловской Таможне, и об упразднении частных типографий». Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Указ № 17508. Т. 23. С. 933.

² История русской переводной художественной литературы. Т. 1. С. 12. Мы используем кавычки, поскольку применение данных выражений к реалиям XVIII века не кажется нам бесспорным.

³ Это хорошо видно по результатам изучения списков подписчиков: *Самарин*. Читатель в России во второй половине XVIII века.

немецкий. Согласно нашим данным, в общем объеме печатной продукции переводы с французского и немецкого составляли соответственно 18,8 и 11%. Если же говорить об их доле только среди переводных книг, то она будет намного значительнее: 46,5 и 27,2% соответственно. Все остальные языки занимали гораздо более скромные позиции как среди всей переводной литературы, так и в корпусе переводов политических текстов: так, например, книги, переведенные с латыни, составляли 4,8% среди всех книг гражданской печати и 12% среди всех переводов¹. Интересно отметить, что доля переводов с французского больше среди «политических» текстов (55%), чем среди всей переводной литературы (46,5%), в то время как пропорция книг, переведенных с немецкого, в обоих корпусах сильно не различается. А если мы будем считать не по названиям, а по томам, то доля французского возрастет еще больше. Конечно, можно было бы подумать, что в полученных результатах сказалась субъективность тех, кто отбирал общественно-политические переводы для базы данных². Но причина, скорее, в том, что в корпусе европейских политических сочинений французских работ было больше. Подобный дисбаланс мы увидим и в других тематических разделах нашего корпуса переводов, о чем речь пойдет ниже.

Рассмотрим теперь, с каких языков переводили в России в разные периоды XVIII века (табл. 7).

Если сравнивать число переводов с четырех языков, составляющих группу лидеров в первой половине XVIII века, — немецкого, итальянского, латыни и французского — то мы обнаружим, что количество переводов с немецкого значительно, примерно

¹ См. также подсчеты за период с 1756 по 1775 год в книге: *Marker. Publishing, printing, and the Origins of Intellectual Life in Russia*. P. 88. Они в целом согласуются с приводимыми нами цифрами, хотя доля книг, переведенных с французского, еще более значительна по данным Г. Маркера (52%), что отражает, очевидно, растущий интерес к французской книжной продукции, который по времени интересным образом совпадает с началом широкого распространения французского языка в русском обществе. Об этом см.: *Offord D., Rjéoutski V., Argent G. The French Language in Russia: a Social, Cultural, Political, and Literary History*. Amsterdam, 2018.

² Корпус политической литературы, действительно, является результатом отбора согласно критериям, которые объяснены на сайте проекта: <https://kpr.dhi-moskau.org/ru/about>.

Таблица 7. Количество переводов с разных языков в России первой половины XVIII века¹

Языки/ десятилетия	1700-е	1710-е	1720-е	1730-е	1740-е	1750-е	Всего	%
Немецкий	13	11	7	34	28	18	111	35,46
Итальянский	1	1	2	40	6	13	63	20,13
Латынь	2	14	8	3	13	14	54	17,25
Французский	1	8	3	10	11	17	50	15,97
Голландский	2	6	1	2	0	0	11	3,51
Польский	0	4	1	0	3	0	8	2,56
Греческий	0	1	0	0	0	4	5	1,60
Шведский	0	0	1	1	0	3	5	1,60
Датский	0	3	0	0	0	0	3	0,96
Неизвестен	0	1	1	0	0	0	2	0,64
Грузинский	0	0	0	1	0	0	1	0,32
Всего	19	49	24	91	61	69	313	100,00

в два раза, превышало число переводов и с итальянского, и с латыни, и с французского, который начнет входить в силу только в 1750-е годы. Присутствие итальянского в этой группе лидеров объясняется не столько длительной традицией, как в случае латыни, сколько резким увеличением числа переводов с итальянского в 1733–1735 годах, что было связано с потребностями придворного театра Анны Иоанновны, ставившего значительное количество итальянских пьес². Также нельзя не отметить, что за этот период не было, по-видимому, ни одного прямого перевода ни с английского, ни с испанского.

Чтобы проследить дальнейшую историю перевода на русский язык в России, мы выделили два периода: 1759–1763 и 1780–1788 годы (табл. 8). Первый интересен тем, что охватывает

¹ Мы считаем десятилетия с 1700 до 1709 года и так далее.

² В это время издавалась серия резюме пьес, сыгранных на итальянском языке труппой комедии дель арте. Значительная часть этих сценариев была переведена В.К. Третьяковским. См. об этом репертуаре: Итальянские комедии и интермедии, представленные при дворе императрицы Анны Иоанновны в 1733–1735 гг. / Сост. В.Н. Перетц. Пг., 1917. Эти сценарии также переводились и издавались на немецком языке. О работе итальянской труппы см. также: Старикова Л.М. Новые документы о деятельности итальянской оперной труппы в России в 30-е годы XVIII в. и русском любительском театре этого времени // Памятники культуры: новые открытия. Письменность, искусство, археология. Ежегодник, 1988. М., 1989. <https://facetia.ru/node/3139> (последнее обращение — 06.07.2021).

Таблица 8. Число отдельно напечатанных переводов на русский язык с 1759 по 1763 год

Языки/годы	1759	1760	1761	1762	1763	Всего	%
Французский	5	14	20	13	26	78	49,68
Немецкий	1	7	1	17	11	37	23,57
Латинский	3	4	4	4	3	18	11,46
Итальянский	4	3	1	2	1	11	7,01
Др.-греч.	3	0	0	2	3	8	5,10
Английский	0	0	1	0	1	2	1,27
Другие	0	0	1	0	2	3	1,91
Всего	16	28	28	38	47	157	100,00

Таблица 9. Ведущие языки оригиналов русских переводов в 1750–1759 и в 1760–1763 годах (абсолютные цифры/доли в процентах)

Языки/годы	1750–1759	1760–1763
Немецкий	18 (26,09%)	36 (25,53%)
Французский	17 (24,64%)	73 (51,77%)
Латинский	14 (20,29%)	15 (10,64%)
Итальянский	13 (18,84%)	7 (4,96%)
Другие	7 (10,14%)	10 (7,09%)

Таблица 10. Языки оригиналов отдельно изданных переводов на русский язык, 1780–1788 годы

Языки/годы	1780	1781	1782	1783	1784	1785	1786	1787	1788	Всего	%
Французский	56	47	47	56	39	50	54	83	148	580	48,82
Немецкий	29	22	17	27	24	27	29	56	54	285	23,99
Латинский	8	17	12	22	23	13	20	33	21	169	14,23
Другие	4	4	1	1	4	5	6	6	19	50	4,21
Др.-греч.	2	7	4	7	9	4	4	7	6	50	4,21
Английский	5	1	1	1	4	2	1	4	8	27	2,27
Итальянский	8	4	6	4	0	1	2	2	0	27	2,27
Всего	112	102	88	118	103	102	116	191	256	1188	100,00

последние годы царствования Елизаветы Петровны и первые годы правления Екатерины II и соединяет в себе черты двух эпох; второй также захватывает конец одной и начало другой эпохи — до и после разрешения заводить частные типографии (1783), которое оказало огромное влияние на издательское дело в России вообще и на издание переводов в частности.

Как мы видим, в первый период число переводов было еще небольшим, поэтому говорить с уверенностью о тенденциях вряд ли возможно. Но можно отметить, что число переводов в целом росло довольно быстро (хотя понятно, что период начался с весьма низкого показателя). Сравним доли четырех наиболее значимых с точки зрения количества переводов языков в 1750–1759 годах (всего 69 переводов) и в 1760–1763 годах (всего 113 переводов) (*табл. 9*)¹.

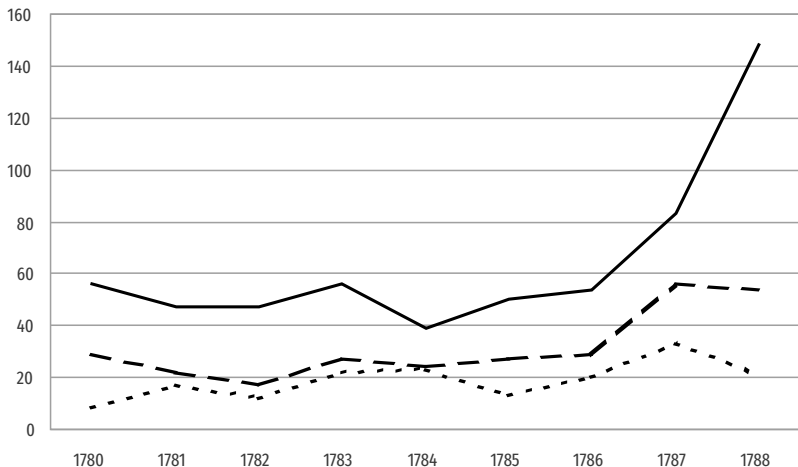
Получается, что в начале 1760-х годов французский заметно упрочил свои позиции, и произошло это в основном за счет латинского и итальянского языков, в то время как доля переводов с немецкого почти не поменялась.

Посмотрим теперь, с каких языков переводили книги в следующий период, который охватывает как время до разрешения открывать частные типографии (последовавшего в 1783 году), так и после него. Мы заканчиваем этот период 1788 годом как наиболее успешным с точки зрения объема печатной продукции на протяжении всего XVIII века, после чего начался спад (*табл. 10*).

Ведущими по количеству в эти годы были переводы с французского, немецкого и латыни, причем, по сравнению с 1759–1763 годами, доля французского и немецкого чуть-чуть уменьшилась, зато доля латыни немного выросла. Можно также отметить некоторый рост переводов с других языков, не входящих в группу лидеров (с английского, а также с маньчжурского и польского) накануне эпохи Французской революции. С 1780 по 1786 год число переводов мало меняется, а начиная с 1787 года начинается большой рост, возможно, вызванный отложенным эффектом либерализации издательской деятельности. Хотя в среднем

¹ Опять же делаем скидку на небольшое число переводов, а значит возможную неточность результатов.

График 3. Языки оригиналов русских переводов с французского, немецкого и латинского языков, 1780–1788 годы (сплошная линия — французский; длинный пунктир — немецкий; короткий пунктир — латинский)

за последние три года этого периода в процентном отношении доля французского остается примерно такой же, как раньше, если рассматривать значения в динамике, видно, что она возрастает в 1788 году, а доли немецкого и латинского, после значительного роста в 1787 году, в 1788 году, наоборот, уменьшаются. Другими словами, разрыв между французским и остальными иностранными языками становится еще более заметным накануне Французской революции. Это хорошо видно на *графике 3*.

Возможно, в какой-то степени это можно объяснить функцией языка-посредника в переводе иностранной литературы, которую французский выполнял больше, чем какой бы то ни было другой язык. Так, в 1788 году с французских переводов переводили на русский произведения Локка, Мильтона, Поупа, Шекспира, Филдинга, Эдварда Янга. Очевидно, что это касается прежде всего литературы на английском языке. Прямо с английского на русский язык за весь XVIII век было переведено менее ста книг, в то время как по крайней мере 154 книги были переведены с французских переводов английских книг, к которым надо добавить не менее 49 переводов с немецких переводов английских книг. Причем этот процесс, очень мало проявлявшийся еще в середине века, набирал скорость: в 1776–1785 годах через французский было переведено 20 английских

произведений, а в 1791–1800 годах их было уже 36. Есть также примеры переводов через французский с немецкого, итальянского и испанского.

Этот двойной фильтр, конечно, не проходил бесследно. Мы уже говорили, что перевод всегда является новым произведением, в которое переводчик мог вкладывать значения, которых не было в оригинале. Это тем более справедливо для XVII и XVIII веков, когда доминирующей идеологией в европейском переводе, и во всяком случае в переводе с английского на французский, который нас интересует в данном случае, был подход, который позже теоретики перевода назовут «доместикацией»¹: французские переводчики, оправдывая свое право адаптировать английские романы к вкусам французского читателя, писали о том, насколько английская проза была плохо структурирована. Неудивительно, что при таком подходе и при нередком отсутствии самого слова «перевод» на обложке произведения, некоторые переводы воспринимались как оригинальные произведения и переводились вновь на тот язык, с которого они были переведены: в истории переводов с французского на английский и наоборот есть целый ряд таких случаев². При переводе с перевода риск полного преобразования переводимого произведения, конечно, повышался. Хорошим примером могут послужить переводы произведений Макферсона, которые он выдавал за творчество Оссиана. Существовало несколько французских переводов, некоторые из них (переводы Сюара и Летурнера) «улучшали» оригинал, придавая ему изящество

¹ Однако некоторые исследователи считают неоправданным применение терминов «доместикация» и «форенизация» для XVIII века. Тому есть ряд причин. Например, для этой эпохи различие между оригиналом и переводом зачастую не так легко установить, как это может показаться с нашей точки зрения, ведь произведения этого времени (особенно литературные) могли включать значительную долю материала, заимствованного из иноязычного произведения, не называясь переводом, либо, наоборот, называясь переводом и включать при этом куски текста, добавленные переводчиком. Кроме того, эти термины предполагают наличие культурного контекста с достаточно хорошо очерченными национальными границами и четкое различие между переводом и литературным творчеством, которых не было в Европе эпохи Просвещения. См. об этом: *McMurrin M. H. The Spread of Novels. Translation and Prose Fiction in the Eighteenth Century. Princeton, 2010. P. 4–7.*

² *Ibid.* P. 4–5.

или «величие», которых не было у Макферсона. Первый полный русский перевод, принадлежащий Ермилию Кострову, вышел в 1792 году и был сделан с французского перевода Летурнера. Костров не только во многом следовал за Летурнером, сглаживая «северный» колорит автора Оссиана, он еще и архаизировал стиль произведения¹. Перевод с перевода продлился в России еще довольно долго и в XIX веке, несмотря на возраставшую критику подобной практики².

Литературный перевод в России и во Франции

У нас нет примеров статистических данных по всему массиву переводной литературы за XVIII век на другие европейские языки, однако уже упомянутый сайт «Intraduction» дает нам некоторое представление о переводе беллетристики на французский во всей Европе в последнюю четверть XVIII — начало XIX века³.

В 1776–1800 годах почти половина всех литературных переводов на французский (46,7%) была сделана с английского. Вместе с растущей ориентацией на французский в России того времени и незнанием английского языка среди русских⁴ это объясняет, вероятно, почему так много английских книг было переведено на русский именно с французских переводов. Второе место (22,5%) по численности переводов на французский

¹ Заборов П. П. «Литература-посредник» в истории русско-западных связей XVIII–XIX вв. // Международные связи русской литературы: Сборник статей / Под ред. акад. М. П. Алексеева. М.; Л., 1963. С. 64–85, здесь с. 72–78.

² Там же. С. 82–84. Были и переводы с двойного перевода, как в первой, так и во второй половине века, это касается в основном переводов с латинского произведений, изначально написанных на греческом или древнееврейском языках. Другой пример — перевод книги Поля Рико «Монархия турецкая» (1741), выполненный с итальянского переложения французского перевода английского оригинала, см.: Николаев С. И. Первая четверть XVIII века: эпоха Петра I // История русской переводной художественной литературы. Т. 1. Гл. 2. С. 78.

³ Сразу оговоримся, что понятие «художественной литературы» применяется нами как аналитическая категория, тем более что понимание того, что является «литературой», сильно менялось в России XVIII века. См., например: Левин Ю. Д. Введение // История русской переводной художественной литературы. Т. 1. С. 14. Авторы сайта не объясняют, что они понимают под «книгой» и не включают, к сожалению, информацию об объеме изданий, поэтому статистические выводы, которые мы делаем ниже, нужно будет проверять в дальнейших исследованиях.

⁴ Offord, Rjéoutski, Argent. The French language in Russia. P. 158–160.

Таблица 11. Языки художественных произведений, переведенных на французский язык в Европе¹

Годы	Всего	Переводов с языков								
		англ.	лат.	нем.	др.-греч.	итал.	исп.	рус.	араб.	дат.
1776–	341	92	64	57	57	46	22	3	0	0
1785	100%	26,97%	18,76%	16,71%	16,71%	13,48%	6,45%	0,88%	0%	0%
1791–	427	181	54	105	47	18	8	4	6	4
1800	100%	42,38%	12,64%	24,59%	11%	4,21%	1,87%	0,94%	1,4%	0,94%

занимает художественная литература на немецком языке, далее идут литературы на латинском (16,7%), древнегреческом (14,5%), итальянском (10,8%) и испанском (3,8%) языках.

Если рассмотреть динамику, сравнив первое и последнее десятилетия этого временного отрезка², мы увидим в переводе на французский в Европе определенные тенденции (табл. 11).

Эти данные не показывают, что в первый период наблюдался некоторый упадок в развитии литературного перевода на французский (при значительной вариативности данных). Также большую вариативность мы наблюдаем и во второй период, но в целом идет увеличение числа переводов.

С каких языков переводили художественную литературу в России в эти же отрезки времени? (табл. 12).

Судя по этим данным, в России переводили примерно столько же художественной литературы, как во Франции и других центрах издания на французском, хотя следует напомнить, что

¹ На основе данных сайта <http://intraduction.huma-num.fr/traduc/statistique> (последнее обращение — 20.10.2021), который подготовлен на основе библиографий П. Конлона и А. Монглона (см. выше). Отметим, во-первых, что доли указаны на основе наших собственных расчетов, для которых мы использовали число переводов с того или иного языка, которое дает этот сайт; доли, которые мы указываем, не совпадают с теми, которые указаны на французском сайте, поскольку при сложении всех долей с французского сайта мы получаем цифру, намного превышающую 100%. Возможно, что к данным этого сайта в целом следует относиться с большой осторожностью. Во-вторых, французский сайт не позволяет выделить только Францию, но включает также и другие крупные европейские центры издания литературы на французском языке. Поэтому сделанные выводы надо с некоторой долей условности относить именно к Франции, хотя французский рынок составлял от 81% (первое десятилетие) до 86% (второе десятилетие) от этих данных, согласно данным сайта.

² Мы выбрали эти десятилетия, поскольку французская база данных покрывает период с 1776 по 1812 год. Шаг в пять лет показывает слишком большую вариативность, поэтому мы выбрали периоды в десять лет в начале этого временного отрезка и в самом конце XVIII века.

Таблица 12. Языки художественных произведений,
переведенных на русский язык

Период	Всего переводов	Переводы с языков						
		фр.	нем.	ит.	лат.	англ.	др.-греч.	польск.
1776–1785	403 100%	256 63,52%	75 18,61%	31 7,69%	15 3,72%	10 2,48%	4 0,99%	4 0,99%
1791–1800	317 100%	203 64,04%	74 23,34%	8 2,52%	6 1,89%	13 4,1%	2 0,63%	5 1,58%

в этот период французский книжный рынок по общему объему книжной продукции многократно превосходил российский рынок. Это подчеркивает еще раз огромное значение перевода в России вообще и его роль в литературной жизни России в особенности, ведь, в отличие от Франции, в России в это время издавалось гораздо больше переводов художественной литературы, чем выходило оригинальных литературных произведений на русском языке¹. Если верить французским данным, то рынок литературного перевода продолжал активно развиваться во Франции и в период Французской революции и Директории, в то время как в России наблюдается некоторый упадок переводческой деятельности в этот период.

С. Жюратик, одна из создательниц базы данных французского литературного перевода, показывает, что во второй половине XVIII века — которая, по крайней мере с 1750-х по 1780-е годы, представляет собой пик в переводческой деятельности во Франции за долгий период, — переводы составляли незначительную часть всего корпуса изданий на французском языке, другими словами, это был весьма скромный канал для знакомства с текстами, опубликованными на других европейских языках в раннее Новое время. В этом смысле пространство франкоязычной книги (С. Жюратик пишет об «*aire francophone*») не отличалось в те годы большой открытостью другим культурам².

¹ Это значение переводной литературы, которая восполняла отсутствие некоторых жанров в отечественной литературе и рассматривалась как школа для обогащения литературного языка, уже отмечалось исследователями. См., например: Левин. Введение // История русской переводной художественной литературы. Т. 1. С. 11.

² Juratic et al. Chapitre III. La traduction, un objet éditorial. P. 197. Надо, однако, учесть при этом, что во Франции итальянский язык был широко распространен, поэтому уменьшение доли переводов с итальянского, возможно, не следует интерпретировать однозначно как потерю интереса к итальянской

Но даже при своей относительной закрытости рынок франкоязычного литературного перевода был разнообразнее русского с точки зрения языков переводимых произведений. По крайней мере, в первый из двух выделенных нами периодов в переводе на французский пять языков имели доли, превышавшие 10%, — это английский, немецкий, латинский, древнегреческий и итальянский, в то время как в России таковых было только два — французский и немецкий.

В обеих странах ведущие языки, с которых больше всего переводили литературных произведений, — английский, латинский и немецкий во Франции, французский и немецкий в России — занимали особо прочные позиции. Для Франции интерес к английскому и немецкому языкам был во многом новым явлением. Хотя детальных сведений по XVII веку у нас нет, данные по отдельным крупным французским издателям второй половины XVII века, издававшим большое число французских переводов, свидетельствуют, что значительная часть книг переводилась тогда с древних языков — латинского и древнегреческого, за которыми следовали испанский и итальянский, а с английского и немецкого переводили гораздо реже¹. К 1770-м годам, однако, английский и немецкий как языки оригиналов уже занимали ведущие позиции вместе с латынью, причем их позиции продолжали укрепляться: за последнюю четверть века число франкоязычных переводов с английского и немецкого увеличилось примерно на 15 и 8% соответственно. Этот взлет перевода английской книги объясняется не только интересом французов к политике, науке и беллетристике Великобритании, в особенности к английскому роману, но и рядом других факторов: влиянием французских протестантских издателей, распространившихся по Европе после отмены Нантского эдикта и осевших в крупных центрах книгопечатания, в особенности в Лондоне, развитием других европейских центров печати на французском языке, где не было такой строгой цензуры, как во Франции, — не только в Швейцарии, но и особенно в Голландии,

интеллектуальной и литературной продукции. Скорее, увеличение переводов с английского и немецкого отражает как рост интереса к этим литературам, так и плохое знание этих языков. Ibid. P. 195.

¹ Ibid. P. 193.

а с 1760-х годов и в городах, расположенных вблизи от Франции, — в Льеже, Буйоне, Нефшателе¹.

В России, как мы видели выше, выход на авансцену французского как языка, с которого больше всего переводили на русский, — это явление совсем новое, относящееся к 1760-м годам, в то время как немецкий, наоборот, был частью давней традиции. Однако для литературного перевода ситуация в значительной степени иная, чем для перевода нелитературного. Можно сравнить, например, с десятилетием, предшествующим приходу к власти Екатерины II (1762), при которой, как мы отмечали, книгопечатание и перевод весьма оживились в России. Правда, в 1752–1761 годах переводов литературных произведений в России было совсем мало — 32 за десять лет, да и то больше к концу этого периода, поэтому невозможно делать на основе столь скромного корпуса твердые выводы. Однако кажется не случайным, что в это время в литературном переводе французский и итальянский пользовались почти одинаковой популярностью (17 и 13 переводов соответственно), а немецкий совсем не был источником литературных произведений для перевода (мы не нашли ни одного отдельно изданного русского перевода литературного произведения на немецком языке за эти годы)². Но к 1770-м годам немецкий стал вторым по важности языком, с которого переводили литературные произведения на русский язык, и в последнюю четверть века практически никакой динамики в позиции ведущих языков мы не видим, кроме небольшого уменьшения числа переводов с французского в результате введения цензуры и сложностей со ввозом французской книги в Россию в годы Французской революции (табл. 13).

Однако надо учесть, что доли разных языков в художественном и нехудожественном переводе часто не совпадают (мы

¹ *Juratic et al.* Chapitre III. La traduction, un objet éditorial. P. 194, 196. К сожалению, французский сайт не позволяет отсортировать результаты по месту издания, поэтому понять, каков на самом деле был вклад центров публикации на французском языке за пределами Французского королевства в литературный перевод на французский язык, невозможно.

² Латынь и греческий также не играли роли в этом отношении (1 и 0 произведений соответственно в 1752–1761 годах). Сделаем снова оговорку, что мы не рассматриваем переводы, опубликованные в периодических изданиях, а с их учетом картина, вероятно, несколько изменится.

Таблица 13. Языки нехудожественных произведений,
переведенных на русский язык

Период	Всего переводов	Переводы с языков						
		фр.	нем.	ит.	лат.	англ.	др.-греч.	польск.
1776–1785	494 100%	185 37,45%	123 24,90%	5 1,01%	104 21,05%	11 2,23%	43 8,70%	4 0,81%
1791–1800	645 100%	249 38,60%	237 36,74%	11 1,71%	80 12,40%	26 4,03%	7 1,09%	3 0,47%

сохранили тот же порядок, что и в предыдущей таблице для удобства сравнения).

По этим данным хорошо видно, что, во-первых, для ряда языков их доли в литературном и нелитературном переводе сильно различаются и, во-вторых, что в отдельных случаях их доля в каждом сегменте переводной литературы сильно меняется со временем. Это касается в особенности французского в оба периода (разница примерно в 25–26% в пользу литературного перевода) и латыни (особенно в первый период, разница в более чем 17% в пользу нелитературного перевода, во второй период она сократилась до 10,5% из-за снижения доли латыни в нелитературном переводе, что отражает постепенный отход латыни на второй план), но также и ряда других языков. Для немецкого доля литературного перевода увеличилась во второй период по сравнению с первым, но доля нелитературного перевода с этого языка выросла еще больше, и разрыв между ними стал ощутимее (около 6% в первый период и около 13% во второй). Очевидно, что, если в области изящной словесности немецкий даже в конце века не может «тягаться» с французским, то в других областях он становится его реальным конкурентом. Более подробно о тематике переводов с этих языков мы расскажем в следующем разделе.

Ощутимое уменьшение переводов с латинского и древнегреческого во Франции в период с XVII до второй половины XVIII века объясняется, вероятно, и тем, что в это время вышло гораздо больше, чем в предыдущий период, франкоязычной литературы во многих областях помимо словесности: как религиозных произведений под воздействием Реформации и янсенизма, так и научных, что отразилось на составе библиотек¹.

¹ Примером может служить библиотека Жан-Жака Дорту де Мерана. *Juratic et al.* Chapitre III. La traduction, un objet éditorial. P. 193.

Однако во Франции за латынью и древнегреческим стояла давняя культурная традиция, поэтому они продолжали сохранять некоторый вес. В России же, при сравнимых объемах литературного перевода, с латинского и греческого переводили в те годы гораздо меньше, чем во Франции, что не удивительно, учитывая малое знакомство с этими языками вне духовного сословия и практику использования французских переводов латинских и греческих произведений, например в дворянской среде¹. Итальянский, который еще в середине века, как мы видели, играл в России значительную роль в переводе литературных произведений, постигла та же участь, что и во франкоязычном переводе. Отметим также несколько переводов на французский с арабского в конце века, что закономерно, учитывая связи Франции с арабоязычным миром, что можно сравнить с появлением редких переводов на русский с китайского и маньчжурского языков. В России к маргинальным, но сохранявшим некоторое культурное влияние языкам, с которых переводили литературные произведения, относится польский, который был частью давней культурной традиции².

Тематика переводов

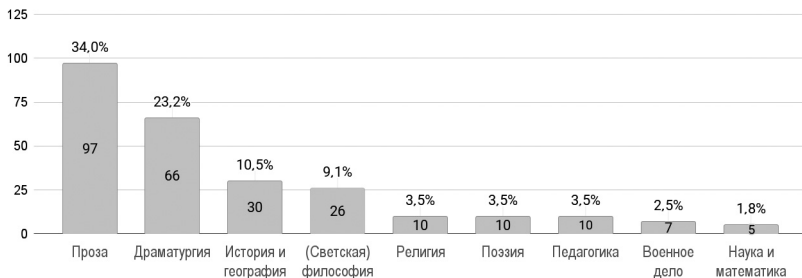
Г. Маркер, а за ним К. Д. Бугров и М. А. Киселев отмечают в истории русской книги XVIII века уменьшение доли религиозных сочинений и одновременное увеличение таких тематических групп, как беллетристика, философская литература, историко-географическая литература и ода³. С констатацией общей тенденции — уменьшения доли религиозной литературы и увеличения доли светской литературы — трудно не согласиться, это общеевропейский тренд, который отмечали и другие

¹ См. об этом: *Ржеуцкий В. С.* Латинский язык в дворянском образовании в России // Чтения отдела русской литературы XVIII века. Вып. 8. СПб., 2018. С. 228–251; *Rjéoutski V.* Latin in the education of nobility in Russia: The history of a defeat // *Rjéoutski V., Frijhoff W.* (Eds). *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance.* Amsterdam, AUP, 2018. P. 169–189.

² О переводе с польского на русский в XVII — начале XVIII века см.: *Николаев С. И.* Польская поэзия в русских переводах: Вторая половина XVII — первая треть XVIII в. Л., 1989; *Он же.* Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв.

³ *Бугров, Киселев.* Естественное право и добродетель. С. 21.

График 4. Тематика отдельно изданных переводов с французского на русский язык, 1786–1788 годы (общее число и доля в процентах)

исследователи, например на французском материале¹. Мы сосредоточим внимание только на тематике переводов в их соотношении с языком оригиналов.

Мы видели, с каких языков переводили в 1760–1763 годах. Что в этот период переводили с французского? Сочинения по педагогике, дворянскому воспитанию и правилам поведения для дворян, а также учебные пособия. Однако самая большая группа переводов — это художественная литература. Тематика русских переводов с немецкого языка во многом иная. Правда, мы также находим отдельные наставления по поведению, переведенные с немецкого — очевидно, что это общеевропейская тенденция, — и учебники, прежде всего языковые, в том числе для изучения латинского языка. Однако в остальном эта группа книг не похожа на переводы с французского. Так, в это время мы практически не видим литературных произведений, переведенных на русский с немецкого языка. Основная часть корпуса сочинений, переведенных с немецкого в эти годы, состояла (в порядке убывания числа изданий) из научных трактатов и учебных пособий по точным наукам, пособий по истории, географии и политике, трактатов по военному делу (речь идет о сочинениях Фридриха Великого, изданных при Петре III, который был поклонником прусского короля) и по животноводству, а также описаний путешествий.

Посмотрим теперь на тематику переводов на русский за 1786–1788 годы (график 4). Переводы с французского представляют собой неоднородную по своему содержанию и жанрам группу изданий. Мы встречаем сочинения по военной проблематике,

¹ См., например, *Martin. Une croissance séculaire*. P. 122.

учебники для изучения французского, собрания афоризмов, но, кажется, не больше, чем обычно. Есть отдельные политические сочинения (например, «Политическое завещание дюка де Ришелье»), сочинения по медицине, юриспруденции. Традиционно печатались педагогические сочинения, переведенные с французского: франкоязычная литература была важным источником работ по этому вопросу. Так, в 1788 году вышли три перевода произведений много раз издававшейся в России мадам Лепренс де Бомон, а также «О воспитании девиц» и «Странствования Телемака» Фенелона, которые и ранее уже выходили на русском. Мы видим немало анонимных французских сочинений на разные темы. Но основной массив переводов — это французская беллетристика. В этом смысле конец 1780-х мало отличается от начала 1760-х годов, отличие скорее в объеме этой книжной продукции: шел настоящий вал переводов французских литературных произведений, не только авторов первого ряда, но и писателей, в большинстве своем сегодня забытых. Правда, качество переводной прозы вызывало многочисленные нарекания в литературных кругах России второй половины XVIII века, также нередко упоминали пагубное (как считалось) воздействие иностранных романов на нравы¹. А. Т. Болотов с возмущением спрашивал, «откуда они [переводчики] такие глупости и вздоры для перевода вышаривают»².

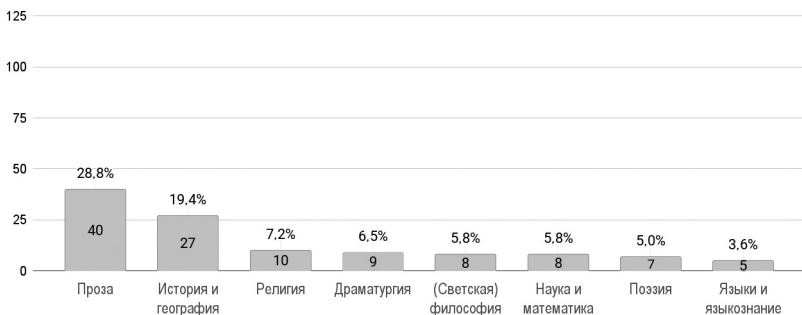
В 1788 году было опубликовано семь отдельно изданных переводов сочинений Вольтера, что значительно больше, чем обычно. Рекордсменом стал Мольер — вышли переводы двенадцати его сочинений. В русских переводах представлена вся изящная словесность Франции, причем это прежде всего сочинения живших тогда авторов: Бомарше, Беркена, Данкура, Дидро, Дора, Жана-Франсуа де Лагарпа, Мармонтеля, Луи-Себастьяна Мерсье, Флориана. Есть и несколько произведений писателей предыдущих эпох: Детуша, Дюфрени, Жана-Батиста Руссо, Скаррона и других³.

¹ История русской переводной художественной литературы. Т. 1. С. 143–144.

² Цит. по: История русской переводной художественной литературы. Т. 1. С. 177.

³ Также находим множество анонимных комедий и драм, переведенных с французского.

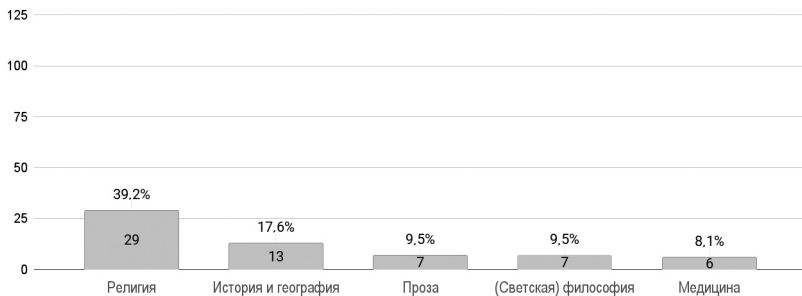
График 5. Тематика отдельных изданных переводов с немецкого на русский язык, 1786–1788 годы (общее число и доля в процентах)

Как на этом фоне выглядит литература, переведенная с немецкого? В 1786–1788 годах, как и в начале 1760-х, среди переводов с немецкого были труды по самым разным отраслям знания: экономии и политическим наукам, истории и географии (причем география была представлена работами российского академика Герхарда Фридриха Миллера), табаководству и виноделию, лингвистике, медицине, военному делу и так далее, но все это отдельные издания. Было несколько сочинений о христианской вере. Довольно большую группу (около двадцати изданий) составили учебные пособия, в том числе учебники для недавно основанных народных школ и языковые пособия. Другая крупная группа книг — сочинения по педагогике и морали, среди которых выделяются труды Геллерта. И, вероятно, самая большая тематическая группа — изящная словесность, включая ряд анонимных сочинений. В этом ряду можно выделить сочинения Виланда, Геллерта, Гесснера и Лессинга. Таким образом, немецкоязычные страны продолжали поставлять учебные пособия, причем некоторые из них создавались специально для российских школ. Новым явлением стало обилие педагогических и моральных сочинений (которые ранее переводились в основном с французского). И наиболее яркое изменение — появление целой библиотеки переводов немецкоязычной изящной словесности, чего мы не видим в 1760-е годы (*график 5*).

Сравнивая два ведущих языка, с которых переводили в России в то время, мы видим несколько отличий. Хотя в переводах с немецкого художественная литература (мы суммируем прозу, драму и поэзию) тоже стала занимать ведущее место, эта группа все равно намного меньше — особенно в абсолютных

График 6. Тематика отдельно изданных переводов с латинского на русский язык, 1786–1788 (общее число и доля в процентах)

цифрах — чем среди переводов с французского: 56 (40,3%) и 173 (60,7%) изданий соответственно. Отметим также крупную группу (почти 20%) переводов немецких исторических и географических сочинений, в корпусе переводов с французского в процентном отношении она существенно меньше, хотя в абсолютных цифрах эти группы почти равнозначны.

С латинского языка (*график 6*) переводили произведения отцов церкви и античных авторов, также труды по теологии, среди которых выделяются духовные сочинения немецкой новолатинской традиции. Есть отдельные переводы работ по истории, написанных профессорами, работавшими в России, учебники латинского языка, учебники поведения, сочинения по медицине. Переводов с древнегреческого мало, единственная заметная группа — это переложения античных авторов.

Изменение числа переводов с определенных языков следует как будто за динамикой знакомства с этими языками в образованном российском обществе: если на протяжении всей первой половины века с немецкого переводилось гораздо больше книг, чем с французского, то во второй половине века, на которую приходится начало расцвета русской франкофонии¹, переводы с французского решительно захватили пальму первенства. Этот параллелизм может показаться парадоксом: если в обществе лучше знали французский, а значит, могли читать книги в оригинале, то почему нужно было больше книг переводить с этого языка? На этот процесс следует смотреть шире: взрыв переводов с французского свидетельствует о том, что

¹ См. об этом: *Offord, Rjéoutski, Argent. The French Language in Russia.*

эта книжная продукция получила признание у россиян, способных читать, имеющих определенный уровень культурной подготовки и достаточные для покупки книг материальные средства, — число их, конечно, было гораздо больше, чем число хорошо владевших французским дворян. Р. Боден с полным основанием пишет о «добродетельном круге» в развитии печати в России во второй половине XVIII века: увеличение числа печатных станков и развитие сети книжных лавок вело к сокращению цен на книги, что позволяло более широким кругам — как из числа низшего дворянства, так и недворянским, в большинстве случаев не знакомым с французским языком, — приобретать книги, чего ранее они не могли себе позволить, создавая тем самым спрос, подстегивающий развитие издательского дела, особенно после разрешения заводить частные типографии (1783)¹.

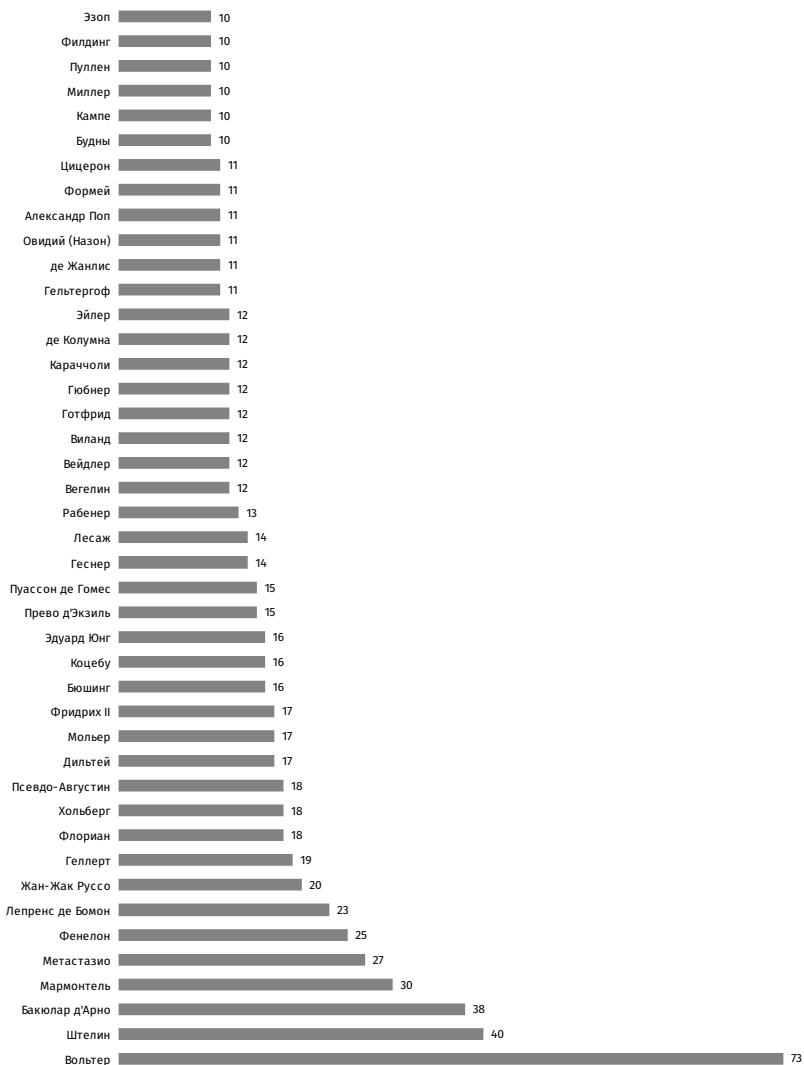
Для развития книгопечатания и перевода имели значение и новые тенденции в обществе, в частности дискуссия о свободном времени и о проведении досуга (которая началась еще до манифеста Петра III об освобождении дворянства от обязательной службы, 1762), вкус к литературе для проведения досуга, в особенности к роману, в противоположность пристрастию к технической и практической литературе у предыдущего поколения русских читателей, и появление новых практик знакомства с книгами, например чтения в одиночестве, а при таком способе чтения обращались обычно именно к беллетристике².

Хорошо известно, что факт издания тех или иных авторов и тем более размеры тиражей не могут рассматриваться как явные доказательства читательского спроса, скорее они говорят нам об интенциях и стратегиях издателей. И все-таки на основе такого изобилия переводов литературных произведений нельзя не предположить, что именно в годы, предшествующие Французской революции, вкус к литературе вообще и к французской литературе в частности широко распространился в образованных слоях российского общества.

¹ Baudin R. Reading in the times of Catherine II // Rebecchini, Vassena (Eds). Reading Russia. A history of reading in modern Russia. Vol. 1. P. 151–178, здесь p. 153.

² Ibid. P. 153–157.

График 7. Наиболее часто переводимые в XVIII веке на русский язык писатели (отдельные издания)¹

¹ В этом списке есть не только иностранные писатели, но и несколько писателей, которые либо были российскими подданными, либо долгое время жили в России. Этот «рейтинг» наиболее популярных авторов можно сравнить со списком, который приводится в: *Бугров, Киселев*. Естественное право и добродетель. С. 13–20. Поскольку последний список сделан на основе выборки переводов морально-этической, социальной и политической литературы, которая включает 1301 запись, он во многом отличается от нашего.

Даже на общем фоне большого количества переводов франкоязычных авторов выделяется Вольтер (*график 7*). Многие произведения Вольтера появлялись в русском переводе очень быстро, что показывает большой интерес к творчеству писателя. Причем публиковались переводы его произведений самых разных жанров, включая ряд работ, которые можно рассматривать как политические тексты. Первые переводы Вольтера вышли в 1760-х годах (если не считать журнальные публикации, которые появлялись и раньше), их число немного увеличилось во второй половине 1770-х годов, достигло своего пика в конце 1780-х и стало резко уменьшаться начиная с 1790 года, следуя в этом отношении за динамикой числа переводов вообще¹.

Вернемся к корпусу «политической» литературы. Каково его место в общем росте переводов? В нашей базе² всего около пятисот названий опубликованных «политических» переводов за весь XVIII век (в томах это существенно больше), это примерно 5% всей книжной продукции гражданского шрифта и около 13% всех переводов, опубликованных в России за XVIII век. В 1759–1763 годах переводов сочинений, которые мы идентифицировали как «политические», было немного — как правило, от пяти до семи в год. За 1786–1788 годы их больше — и в процентах, и в абсолютных цифрах — в корпусе литературы, переведенной с французского, чем среди книг, переведенных с немецкого, что опять же подтверждает наше наблюдение о французском как языке политических сочинений *par excellence* (табл. 14).

Число переводов «политических» сочинений не такое большое, чтобы на его основе можно было делать твердые выводы. Однако тенденция кажется ясной: сначала рост, который хорошо заметен в 1787–1789 годах, но затем еще более впечатляющее падение, чем для прочей переводной литературы, что, вероятно, отражает не только проблему с французской книгой в России в период революционных событий, которая затронула

¹ Подробнее о переводах произведений Вольтера в России см. в книгах П. Р. Заборова: *Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. XVIII — первая треть XIX века.* Л., 1978; *Zaborov P. Voltaire dans la culture russe.* Ferney-Voltaire, 2011.

² <https://krp.dhi-moskau.org/ru>.

Таблица 14. Место переводов вообще и политических переводов в частности среди всех изданий гражданской печати, 1780–1790 годы

Год/Язык	Общее число изданий	Оригинальные русские издания	Переводы за исключением политических	Политические переводы ¹
1780	244	132	104	8
1781	211	109	94	8
1782	213	125	77	11
1783	221	103	112	6
1784	222	119	99	4
1785	208	106	90	12
1786	251	135	104	12
1787	358	167 (+23,7%)	169 (+62,5%)	22 (+83,3%)
1788	410	154 (-7,8%)	220 (+30,1%)	36 (+63,6%)
1789	333	131 (-15%)	162 (-26,4%)	40 (+11,1%)
1790	304	184 (+40,5%)	107 (-34%)	10 (-150%)

* В «Корпусе русских переводов общественно-политических текстов».

самые разные тематические группы переводной литературы, но и усиление цензуры.

Статистические данные, которые мы привели в этом разделе, подчеркивают огромное значение перевода в истории русской книги эпохи Просвещения и особенно роль вкуса к беллетристике в русском обществе в эпоху Екатерины II в расцвете русскоязычного перевода. Хотя сегодня мы лучше понимаем развитие перевода как важной составляющей истории общества в России XVIII века, пространство для дальнейших исследований огромно.

Мы до сих пор недостаточно ясно представляем себе роль переводной литературы для частных издательств екатерининской эпохи по сравнению с издательствами государственных учреждений, и одна из следующих целей нашего проекта — проследить динамику переводной и оригинальной русской литературы в продукции наиболее важных русских издателей как фактор их издательской стратегии.

Хотя упомянутая выше книга А. Ю. Самарина¹ существенно продвинула наше понимание путей распространения русской книги среди разных социальных слоев Российской империи второй половины XVIII века, мы пока плохо понимаем, какие

¹ Самарин. Читатель в России во второй половине XVIII века.

группы общества проявляли наибольший интерес к тем или иным сегментам переводной литературы той эпохи. В какой степени переводная литература играла роль в формировании идентичности социальных и культурных групп общества и служила ее маркером?

Еще меньше мы знаем о циркуляции книг на иностранных и древних языках в России того времени, в частности об их наличии в частных библиотеках и библиотеках учреждений, хотя представление всего репертуара иноязычной литературы (напечатанной в России и привезенной из-за рубежа) в виде единой базы данных не кажется неосуществимой задачей, ведь мы располагаем как прекрасным сводным каталогом книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке, так и многочисленными каталогами иностранной книги, распространявшейся книгопродавцами в России в ту эпоху. Оценить место переводной литературы в обществе вряд ли возможно, не восстановив репертуар иноязычной книги в России, ведь оба корпуса находились в сложном взаимодействии через практики чтения, что выводит нас на вопрос о социальной, культурной и языковой структуре российского общества¹. Рейтинг наиболее переводимых авторов не обязательно коррелирует с популярностью и влиятельностью идей этих иностранных писателей и мыслителей в России, ведь со многими европейскими произведениями знакомились в оригинале, а не в переводе². Соотношение чтения иностранных авторов в оригинале и в переводе трудно сейчас оценить, тем более что разные социальные группы знакомились с ними по-разному³. Так, в каталогах дворянских библиотек того времени мы находим произведения многих иностранных авторов, а в выписках из оригинальных произведений, цитируемых учениками Кадетского корпуса конца 1780-х годов, мы видим

¹ См. об этом: *Marker. The eighteenth century: from reading communities to the reading public.* P. 95–98.

² *Бугров, Киселев. Естественное право и добродетель.* С. 22.

³ О знакомстве с «россикой», как на языках оригинала, так и в переводе, см. статью: *Сомов В. А. Французская «Россика» эпохи Просвещения и русский читатель // Луштов С. П. (Отв. ред.). Французская книга в России в XVIII в. С. 173–245. О распространении французской книги в Москве см.: Копанев. Распространение французской книги в Москве в середине XVIII в.*

имена разных французских и немецких авторов¹. Число русскоязычных переводов Монтескье в XVIII веке невелико², но количество упоминаний и цитат из Монтескье в разного рода текстах — огромно³, что опять же наводит нас на мысль о том, что с его произведениями многие знакомились в оригинале, а не в переводе. Весьма вероятно, что, зная соотношение репертуаров русскоязычной переводной литературы и иноязычной литературы, представленных в России, мы сможем лучше понять и причины выбора тех или иных иностранных сочинений для перевода и узнать, как тематика оригинальной иноязычной книги, циркулировавшей в России, соотносилась с изменением объемов перевода с того или иного языка, то есть означает ли уменьшение числа переводов с некоторых языков (например, с латыни, древнегреческого, польского или итальянского) потерю интереса к интеллектуальной и литературной продукции на этих языках⁴.

III. ПЕРЕВОД И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В РОССИИ XVIII ВЕКА

Сделав статистический обзор нашего корпуса переводов общественно-политических текстов на фоне всей переводной литературы на русском языке в XVIII веке, мы наконец кратко остановимся на исследованиях, которые включены в этот сборник. Его название «Лаборатория понятий: перевод и языки политики

¹ ОР РНБ. Ф. 1057 (Кадетский корпус), разные дела.

² См. о переводах Монтескье статью Н. Ю. Плавинской в данной книге.

³ Об этом см.: Бугров, Киселев. Естественное право и добродетель. С. 17–18.

⁴ В случае Франции исследователи отмечали, что, хотя доля переводов с итальянского на французский существенно уменьшилась в XVIII веке по сравнению с XVII, в том числе и в литературном переводе, литература и мысль Италии не исчезли из французского интеллектуального пространства и какая-то часть читавших, возможно, значительная, знакомилась с итальянскими работами по оригиналам, благо этот язык был сравнительно хорошо известен во французском обществе того времени. Уменьшение числа переводов с итальянского на французский в XVIII веке компенсировалось не только чтением на языке оригинала, но и разнообразием репертуара переводной литературы, лучше отражавшего современную итальянскую литературу, как в традиционных областях, таких как искусство и литература, так и в области истории, права и науки. *Juratic et al.* Chapitre III. La traduction, un objet éditorial. P. 194–195.

в России XVIII века», как нам кажется, хорошо отражает тематику представленных в книге текстов. Метафора лаборатории не случайна, поскольку именно в процессе перевода, путем бесконечных проб и ошибок, русские переводчики создавали обновленный русский язык и новые способы говорения о политике и обществе, которые были связаны с разновременными философскими и идеологическими традициями, и образовывали разные «языки» культуры. Эта множественность сосуществующих одновременно языков, о которой писал Ю. М. Лотман, обеспечивала внутреннюю динамику культуры. В частности, заимствование различных способов говорения о политике привело к развитию в русской политической культуре XVIII века новых дискурсивных практик: уже в петровскую эпоху русские читатели и переводчики параллельно осваивают республиканский и монархический языки, которые предполагают разные точки зрения на легитимацию власти, отличающиеся лексиконы описания общества и готовые риторические приемы.

Хронологически исследования, представленные в книге, охватывают «длинный» XVIII век (примерно с 1680-х по 1820-е годы)¹, а тематически затрагивают самые разные переводы. Почему такие разные исследования мы рассматриваем в рамках проекта о переводе политической литературы? Авторы книги изучают перевод как трансфер текстов, понятий, идей, и в этом смысле все эти исследования так или иначе оказываются связанными с полем «гражданской науки». Они объединены темой знания, понимаемого в фуколдианской философии как власть над предметами, природой, людьми, наконец над самим собой. Дискурс-знание организует систему практик: как

¹ Это понятие, введенное английскими историками для обозначения периода становления современного общества в британской истории от «Славной революции» 1688 года до избирательной реформы 1832 года или завершения первого Промышленного переворота (1830-е), вполне применимо и к русской истории эпохи преобразований от царствований детей царя Алексея Михайловича (Федора III и Петра I) до конца правления Александра I. Именно в это время основой для строительства институтов «модерного государства» становятся заимствования «западных образцов», зачастую прочитанных и понятых по-своему. См.: *Clark J. C. D. English Society, 1688–1832: Ideology, Social Structure and Political Practice during the Ancien Regime. N. Y., 1985; O’Gorman F. The Long Eighteenth Century: British Political and Social History 1688–1832. L., 1997; Каменский А. Б. Россия в XVIII веке. М., 2006.*

управлять армией с помощью знания (статья Олега Русаковского), как управлять собой (статьи Марии Неклюдовой и Ривы Евстифеевой), как устроено общество и как им управлять (статьи Надежды Плавинской, Константина Бугрова и Михаила Киселева), как управлять с помощью медицинского (статья Кирилла Осповата), политического (статьи Майи Лавринович, Сергея Польского и Ингрид Ширле) или юридического дискурса (статья Мишеля Тисье и Елены Бородиной).

Некоторые темы проходят красной нитью через все или почти все статьи, но можно выделить несколько тематических блоков. Первый из них — это исследования по истории переноса/перевода отдельных политических понятий (или взаимосвязанной пары/группы концептов), таких как «деспотизм», «государство», «общество», «благоразумие», «народ» и так далее. Второй блок включает статьи, посвященные изучению явлений, которые выходят за рамки отдельных понятий и которые можно обозначить как «языки» или «дискурсы», представляющие готовые речевые практики осмысления политики, например «медицинский дискурс» или «монархический язык»; сюда же можно отнести общие проблемы адаптации и переноса этих языков, связанные с переводами текстов, восприятием метафор, прочтением чужого опыта. Третий раздел объединяет работы, непосредственно посвященные практикам перевода отдельных важных текстов, и здесь исследователи обращаются к самым разным подходам, позволяющим выявить особенности переводимой литературы.

История переноса и адаптации понятий стала центральной в исследованиях Ингрид Ширле («народ» и «нация»), Константина Бугрова («деспотизм»), Ривы Евстифеевой («благоразумие»), Надежды Плавинской (политическая лексика Монтескье и Беккариа) и Татьяны Артемьевой (понятия политической философии Фергюсона). При очевидной близости предмета исследования авторы используют разные методологические подходы.

И. Ширле начинает свое исследование с констатации ограниченности перевода как средства передачи понятий из другого языка и другой культуры: переведенный термин никогда не может полностью передать опыт, заложенный в оригинальном термине, и максимум, на что мы можем надеяться, — это на то, что через переводной термин будут переданы отдельные

составляющие значения исходного понятия. Очевидно, что переводные варианты не только мало отражали значение исходных понятий, но нередко, даже вписываясь, скорее, в сферу принимающей культуры, оставляли читателя в недоумении: этим объясняется наличие глоссариев в переводах первой половины XVIII века и (иногда весьма объемных) объяснений прямо в текстах перевода во второй его половине. Однако на переводах оттачивался язык, некоторые переводы даже становились образцовыми текстами для русскоязычной словесности, обогащался словарь языка за счет заимствований, расширения значений слов, образования неологизмов и дифференциации понятий, то есть обогащения понятийного аппарата. В статье рассматриваются два переводных понятия — «народ» и «нация» — как эквиваленты соответствующих немецких и французских понятий в русских переводах второй половины XVIII века. Речь идет о фундаментальных понятиях, с помощью которых описываются социальные общности и которые применяются не только для самоописания, но и как элемент формирования идентичности. Исследование основано на анализе прежде всего переводов, которые были в поле зрения Екатерины II при составлении ее знаменитого «Наказа»; таким образом, эта статья тематически близка к исследованию Н. Плавинской. Автор обращает особое внимание на контексты, в которых данные слова и понятия встречаются в переводимых текстах и в переводах, потому что именно через контексты передаются нюансы значения понятий и тем самым может происходить трансформация понятий в языке перевода. Как убедительно показывает И. Ширле, понятия *Nation* (нем.) и *nation* (фр.) на русском языке передавались, как правило, через функциональные эквиваленты, которые не позволяли с какой-либо полнотой выразить значение исходных терминов: «государство», «общество», «отечество» или «народ». *Volk* (нем.) и *peuple* (фр.) передавались словом «народ», которое часто транслировало «социологическое» значение исходных понятий для различения необразованных и образованных слоев населения. С другой стороны, в заключении статьи автор отмечает, что переводы имели следствием более широкую внутреннюю дифференциацию понятия «народ», которое становилось полисемичным и актуализировало в зависимости от контекста

то или иное значение. Интересным кажется наблюдение о том, что переводчики XVIII века, как правило, избегали заимствованного эквивалента «нация», который появился в русском языке еще в начале столетия. Это, вероятно, указывает на влияние пуризма и «языкового патриотизма» в образованных кругах. Тем не менее переводные сочинения, в которых встречались данные лексические поля, безусловно повлияли на дебаты о национальном духе в России того времени, и даже сам вопрос о «национальном характере» Д. И. Фонвизин ставил, используя заимствованный термин. Возможно, хорошим дополнением подобного исследования стало бы изучение позиции переводчиков в дебатах о национальном характере и пуризме и использования ими лексики, связанной с изучаемыми понятиями.

В противоположность методам немецкой истории понятий К. Бугров в своей статье следует по стопам классиков кембриджской школы и обращается к изучению понятия «деспотизм» в рамках европейской и русской интеллектуальной традиции. Его занимает не столько сам процесс трансляции понятия, сколько особенности его прочтения и адаптации в русской политической мысли XVIII века. Принимая тезис о том, что концепция деспотического правления была заимствована из западной политической мысли, автор демонстрирует неоднозначность интерпретации деспотизма внутри этой традиции, выделяя минимум три противоположных его понимания. Перенос и принятие этого понятия русскими мыслителями XVIII века, по мнению Бугрова, вели их к необходимости заново определить историческую и политическую идентичность Российского государства — либо через прогрессистское противопоставление варварской отсталости в прошлом и торжества просвещенной монархии в настоящем (И. Н. Болтин и С. Е. Десницкий), либо через снятие проблемы деспотизма посредством развития концепции «упадка» гражданских добродетелей вместе с политическим регрессом республиканских ценностей (М. М. Щербагов и А. Н. Радищев). В то же время, сосредоточившись, прежде всего, на ориентальном характере деспотизма для западной мысли и пытаясь связать его с противопоставлением варварства и цивилизации, автор упускает из виду тот факт, что Россия (Москва) для европейских мыслителей была не восточной, а северной

страной, тогда как деспотизм мог возникнуть в любой монархии как следствие вырождения ее институтов. Не была исключением и российская монархия, которая стала рассматриваться и западными, и отечественными мыслителями в XVIII веке как деспотическая (Щербатов), или стремящаяся выйти из состояния деспотизма (Монтескье), или никогда не бывшая деспотической (Штрубе, Болтин).

Иначе подходит к изучению понятия *prudencia* («благоразумие») Р. Евстифеева, следуя за историей перевода одного значимого текста европейской культуры эпохи барокко. Благоразумие, с Античности выступая важнейшим понятием риторической культуры, стало в раннее Новое время частью политического дискурса советника государей, определяя и мотивируя его поступки на скользком пути дворцовой «политики». Обращаясь к переводам «*Oráculo manual y arte de prudencia*» Бальтазара Грасиана (1647), исследовательница прослеживает семантическую трансформацию концепта испанского писателя во французской компиляции его текста — «*L'Homme de cour*» Амело де ла Уссе (1684) и в его русском переводе Сергея Волчкова «Придворный человек» (1734–1740). Русский переводчик чаще всего использовал лексемы «мудрость», «премудрость», «разум» для того, чтобы передать смыслы, стоящие за *prudence* французского перевода-посредника, избегая славянизма «благоразумие». Таким образом, обнаруживается языковая программа переводчика, предполагавшая, с одной стороны, лингвистический пуризм в отборе слов для перевода, а с другой — понятийную амплификацию для уточнения значений переводимых понятий. Сравнение с другими переводами эпохи позволяет Р. Евстифеевой обнаружить важную трансформацию переводческих практик в европейском контексте: как и переводчик Грасиана Амело, Волчков, переводя самого Амело, стремился прежде всего не к словарной точности, а к передаче общего смысла текста, в то время как Тредиаковский унифицировал словарь своих переводов и установил в них терминологическое единообразие, не чуждаясь славянизмов. Отталкиваясь от связи семантики и лексики в трех языковых системах, исследовательница показывает на примере перевода одного понятия, к каким различным стратегиям прибегают переводчики XVII–XVIII веков.

К лексикографическим исследованиям можно отнести и работу Н. Плавинской, которая обращается к изучению политической лексики в русских переводах Шарля Луи Монтескье и Чезаре Беккариа второй половины XVIII — начала XIX века. Такой выбор переводимых авторов во многом связан с их влиянием на екатерининский «Наказ», который, в свою очередь, оказал значимое влияние на развитие политико-правовой и социальной лексики в русском языке. Исследовательница обращается к особенностям перевода многочисленных и обширных заимствований из Беккариа и Монтескье, оказавшихся в «Наказе» благодаря характеру работы Екатерины II с их текстами, и сравнивает перевод этих фрагментов у Г.В. Козицкого с опубликованными переводами В.И. Крамаренкова, Д.И. Языкова, Е.В. Корнеева и А.Д. Хрущова. Основой для сравнения выступают лексемы важнейших политических понятий эпохи («государство», «общество», «свобода», «рабство», «безопасность» и так далее), которые пережили значительную эволюцию за 1760–1830-е годы, отражающую общие тенденции к модернизации языка. В то же время следует помнить, что разделение лексики на архаическую и модернизированную во многом связано с ретроспективным подходом к проблеме, для современников архаичность не была столь очевидна. Не менее важным остается вопрос о выделении схожих моделей (или программ) перевода политических понятий в определенное время. Так, не случайным представляется стремление переводчиков второй половины XVIII века к отказу от прямого переноса термина из оригинального текста, поэтому ставшую нам привычной «анархию» русский переводчик той эпохи передал словом «безначалие». Это было связано с культурными дебатами XVIII столетия, в частности с доместикацией и языковым пуризмом.

Т. Артемьева обращается к изучению важнейших понятий политической философии шотландского просветителя Адама Фергюсона и их лексических эквивалентов в печатном переводе «Опыта истории гражданского общества» И.О. Тимковского и рукописном переводе «Начал нравственных и государственных познаний» В.И. Созоновича. Центральный концепт «гражданского общества» организует вокруг себя целый ряд понятий социальной философии, некоторые из которых оказались

новыми и неоднозначными для русского читателя. Сложность их присвоения особенно заметна в архаичном с точки зрения лексики переводе Созоновича, который в 1820-е годы во многом переводил так же, как переводили в 1780-е годы, к примеру, передавая понятие «прогресс» (*progress*) как «спеяние». По мнению автора статьи, понятийный диссонанс и отсутствие в переводе точных эквивалентов являются не столько следствием ограниченности словарного запаса переводчика, сколько несовпадением в развитии шотландской и российской мысли. С другой стороны, кажущаяся нам архаичность языка переводчика могла быть частью его переводческой программы и служила определенным способом фореизации новой терминологии, которая была еще чуждой для русского читателя. Тем самым переводчик демонстрировал новизну понятийного аппарата, не перенося в свое языковое поле иностранное слово, а выбирая мало употребляемый в родном языке эквивалент, конструируя неологизм.

Во втором блоке исследований обсуждаются вопросы трансфера и адаптации языка политики в статьях Сергея Польского (перевод и формирование нового политического языка), Кирилла Осповата (медицинский дискурс и политический язык в барочной Европе и России в эпоху Петра I) и Михаила Киселева (адаптация нового монархического языка в России 1720–1760-х годов).

С. Польской показывает, что до 1760-х годов практически вся переводная «политическая» литература в России распространялась в рукописях, это хорошо видно по приводимым автором статистическим данным. Конечно, интерес к политическим сочинениям одного из заказчиков переводов такой литературы — князя Дмитрия Михайловича Голицына — в какой-то степени объясняет обилие списков рукописных переводов в эту эпоху, но кейс Голицына ярко подчеркивает интерес к этой литературе в кругах русской аристократии того времени и ведущее место рукописной книги в ее распространении, а значит, в распространении идей переводимых авторов, среди которых были Боккалини, Гвичардини, Гроций, Локк, Макиавелли и так далее. Очевидно, что распространение этих переводов в виде рукописей нельзя объяснить только страхом цензуры.

Причина в другом — в важности рукописной традиции в то время и в сравнительно узком круге потребителей этой литературы. Автор справедливо задается вопросом: почему вообще было необходимо заказывать перевод, когда многие из заказчиков-аристократов были способны прочесть политические трактаты в оригинале? Причина, вероятно, в желании увидеть трудно определяемые понятия на родном языке и тем самым «присвоить» текст трактата, сделать его своим, более понятным. Именно в акте перевода происходит и адаптация понятий на новой почве, где они никогда не будут точным воспроизведением исходных понятий, в чем автор согласен с И. Ширле. В этом смысле перевод больше говорит нам о принимающей, чем об исходной культуре. Во второй части статьи С. Польской анализирует основные особенности переноса понятий и переводческих «режимов», которые сложились в России. В рамках эпохи, которую он рассматривает в статье (1700–1760-е), автор выделяет условно три периода в развитии переводческих практик, которые связаны, с одной стороны, с постепенным развитием литературного языка, с другой — с изменением подхода к переводу терминов от «форенизации» к «доместикации». Он показывает также, что выбор языка переводчиком (церковнославянский, гибридный, деловой) напрямую зависит от полученного им образования. Важный вывод состоит и в том, что именно в переводах — не только переводах политической литературы, конечно, но здесь речь именно о ней — сформировался новый русский язык, который отличался простотой и понятностью и при этом отошел от практики калькирования или транслитерации иностранных выражений и понятий, которая была яркой чертой русских переводов, например в петровский период. Форенизация, как пишет Польской, не облегчает, а затрудняет усвоение новых понятий принимающим обществом. Автор заключает свою статью предположением о том, что перевод политических текстов серьезно повлиял на язык русских авторов, некоторые из которых, как Ф. Прокопович, сами были переводчиками.

В статье К. Осповата речь идет о переносе и адаптации в России техник и естественно-научных дискурсов, которые импортировались одновременно с дискурсами политическими. В этом смысле автор работает в русле «культурного перевода»,

о котором мы писали выше. Петр I провозглашал определенный взгляд на человеческую природу, который соответствовал новым идеям о технологиях власти. Собрание «уродов» в Кунсткамере не только представляло возможные болезни вследствие соматических проблем матери, но и напоминало о существовании «политического» уродства. В этой системе идей «монстры» символизировали дикую природу человека, которая должна была стать материалом для царской и божественной преобразовательной власти. Есть болезни телесные, которые лечит медицина, но есть и недуги воспитания, которые можно лечить дисциплинированием, осуществляемым государством, в виде воспитания и наказания. Как показывает К. Осповат, примером такого политического недуга стало дело царевича Алексея. Автор считает, что смерть царевича может быть объяснена только исходя из описанной Фуко символической логики манифестации суверенитета. И важным понятием, которое концентрирует в себе идеи суверенитета, воспитания и дисциплинирования, является понятие тела. В насильственной смерти царевича видна не только мифология суверенитета, но и медицинские представления об объекте управления.

Работа М. Киселева посвящена проблеме адаптации антиабсолютистского монархического языка в России 1720–1760-х годов. Полагая, что в Европе XVII–XVIII веков не существовало единого монархического дискурса, автор предлагает рассматривать идеи законного ограничения власти государей как особое течение политической мысли эпохи. В проникновении этих идей в Россию важную роль сыграли переводы «Телемака» Ф. Фенелона и второго трактата «О правлении» Дж. Локка, выполненные А. Ф. Хрущовым. При этом исследователь обращает внимание на эволюцию понятий «самодержавие» и «самовластие» в русских текстах, утверждая, что к началу 1760-х годов успешная адаптация европейских идей привела к складыванию дихотомии самовластие — деспотизм (неограниченное правление) и самодержавие — монархия (законное правление). При этом официальная идеология российского самодержавия — начиная с правления Елизаветы Петровны, которая лично отдала приказ о публикации перевода политического романа Фенелона (1747), — сознательно выбирала и транслировала второй

концепт, выступавший основой для монархической саморепрезентации власти.

В третьем разделе книги собраны исследования, посвященные переводческим практикам и конкретным текстам, истории их перевода и особенностям общественно-политической лексики в них. Статьи расположены в хронологическом порядке и обращаются к разным направлениям «литературы общественных знаний». Олег Русаковский демонстрирует особенности перевода военной книги в начале петровского царствования (1698–1700), Мария Неклюдова исследует перевод наставлений для придворных (1740-е), Мария Петрова обращается к сложной истории перевода руководства для дипломатов (1750–1770-е), Майя Лавринович представляет кейс перевода книги, которая непосредственно затрагивала актуальную политическую историю России XVIII века (1780-е), а Мишель Тисье и Елена Бородина показывают, как русский переводчик, опираясь на французские сборники юридических казусов, воспроизводил на русском языке западноевропейский правовой дискурс (1790-е).

Статья О. Русаковского посвящена истории двух переводов военного трактата византийского императора Льва VI (правил в IX веке), известного под названием «Тактика». Автор вписывает эти переводы эпохи Петра I в широкий контекст того времени, показывая, что они были осуществлены вне процесса петровских преобразований и, по-видимому, не оказали никакого влияния на военно-административную практику петровского времени, хотя и были знакомы некоторым современникам. Действительно, в эту эпоху на русский переводилось немало трактатов военно-технического характера, но, как правило, с современных европейских языков, что отражает ориентацию Петра на ведущие нации Центральной и Западной Европы. Если переводы «Тактики» появились, то это произошло благодаря ряду обстоятельств, среди которых автор выделяет, во-первых, традиционный интерес иерархов Русской православной церкви к греческим рукописям, во-вторых, интерес, который проявляли высшие чины московского двора в допетровское время к военному опыту древних и к военным подвигам славян в былые эпохи, в частности к их мифическому противостоянию с Римской империей и Александром Македонским, и, в-третьих,

популярность этого трактата в Западной Европе. Таким образом, внимание к трактату со стороны переводчиков отражает и старую московскую ориентацию на греческий мир, и в какой-то степени новую ориентацию на Западную Европу. В определенном смысле проявлением этих обстоятельств создания переводов стали и сами приемы, применявшиеся переводчиками. Один из них, хорошо известный Илья Копиевский, вставил в свой перевод отрывок под названием «О народе славянорусском», которого не было в оригинальном тексте трактата. Другой, не менее известный специалистам переводчик Федор Поликарпов, отнесся к греческому тексту с таким пиететом, что вставил в свой перевод большое количество грецизмов, образованных путем фонетической передачи слов греческого оригинала. Часть проблем была связана с военной терминологией, иногда малопонятной самим переводчикам, и с отсутствием эквивалентов в церковнославянском, что вынуждало их использовать заимствования, проникшие в русский из западноевропейских языков. При переводе политической лексики Поликарпов следовал нормам русского политического языка XVII века, не используя, как правило, нововведений петровского времени, таких как слово «политика». Копиевский, впрочем, тоже следовал узусу уходящей эпохи, например называя «гражданами» только низшие слои населения города и вводя таким образом различие «благородных» и «подлых», которое противоречило смыслу трактата Льва, но вполне соответствовало русским реалиям. Таким образом, и сам выбор текста для перевода, и переводческие принципы двух, казалось бы, столь разных переводчиков, сильно расходились с петровскими нововведениями, что объясняет неостребованность этих переводов в эпоху преобразований, ориентированных на Западную Европу.

М. Неклюдова с позиций *cultural translation* рассматривает необыкновенную и сложную историю русского перевода французского сочинения «L'éducation parfaite», выполненного плодовитым переводчиком середины XVIII века Сергеем Волчковым и изданного под заглавием «Совершенное воспитание детей». Почти три века авторство этого текста приписывалось аббату Бельгарду, который, как установила исследовательница, не имел к нему никакого отношения, а за именем французского

моралиста скрывались Жак де Кальер и еще несколько авторов. Читатели, привлеченные именем добродетельного аббата, выставленным на обложке, получали вместо высокоморальных наставлений весьма циничные рассуждения разочарованного придворного-макиавеллиста. Этот текст в русском переводе снискал необыкновенную популярность, став истинным бестселлером у русской читающей публики XVIII века. Не менее интересным в представленном исследовании оказывается анализ переводческих практик С. С. Волчкова, его моделей восприятия и трансляции культурных кодов, а также попытки переводчика найти им эквиваленты, которые были бы знакомы русскому читателю елизаветинской эпохи. Благодаря переводчику оригинальный текст лишился своей национальной идентичности, становясь частью русского контекста. Во многом поэтому ставший бестселлером и переживший многочисленные переиздания перевод-«невидимка» Волчкова воспринимался русским читателем как «свой» текст, воспроизводящий «общие места» традиционных предписаний, характерных для истории европейской культуры в целом.

М. Петрова проследила в своем исследовании историю выполненных в XVIII столетии русских переводов известного сочинения Франсуа де Кальера «*De la manière de négocier avec les souverains*». В этой истории привлекают внимание несколько моментов. Во-первых, выбор текста для перевода. Хорошо известно, что в России XVIII века переводом занимались самые разные люди, нередко это были дворяне, которые брались за перевод в качестве приятного времяпрепровождения или преследуя просветительские цели. В данном случае дипломат Павел Артемьевич Левашев перевел на русский один из наиболее известных европейских текстов для дипломатов, причем посвятил свой труд двум своим начальникам — канцлеру Алексею Петровичу Бестужеву и вице-канцлеру Михаилу Илларионовичу Воронцову. Таким образом, перевод стал частью профессиональной стратегии дипломата, орудием в патрон-клиентских отношениях. Однако значимо, вероятно, также и то, что эта книга по дипломатии, как отмечает автор статьи, не в меньшей, если не в большей степени может быть причислена к жанру назидательной литературы, столь популярному

в ту эпоху и хорошо представленному в русских переводах того времени. Привлекает внимание и другой аспект: весьма свободное обращение переводчика с текстом, который он дополняет отрывками из самых разных источников, а также собственными наблюдениями на тему, при этом довольно точно переводя сам текст Кальера. Таким образом, этот перевод стал гибридным произведением — наполовину собственно переводом, наполовину сочинением и компиляцией переводчика, который в полном смысле стал соавтором этого произведения. Соавтором он может считаться еще и по другой причине, ведь выбор терминологии для перевода понятий — это всегда решение переводчика, от которого во многом зависят передача оттенков значения и возможность для читателя перевода уловить идеи, заложенные в источнике. В этом выборе проявляется культура переводчика и открывается поле для его творчества. М. Петрова отмечает как хорошее понимание Левашевым исходного текста, так и его способность подобрать понятные эквиваленты для иностранных понятий, что во многом зависело, вероятно, от стандартизации лексики в русском языке того времени. Однако при переводе названий профессиональных групп, которые в случае Франции того времени нередко пересекались с социальными делениями, переводчик испытывал намного больше трудностей. Используя выражение «приказные люди» для перевода французского *les hommes de loi*, он находит среди русских реалий те, которые, по его мнению, в какой-то мере приближались к французскому явлению, или даже прибегает к фонетическому воспроизведению иностранного слова («жанс де роб» как эквивалент *gens de robe*). Таким образом, можно предположить, что в терминологии, укоренившейся в русском языке к тому времени, в одних случаях (дипломатическая лексика) существовали более или менее устойчивые соответствия для понятий из западноевропейских языков, а в других (лексика для описания социально-политических реалий) имелись значительные лакуны. Иными словами, даже при отличном понимании исходного текста возможности передачи понятий были в значительной мере ограничены наличием или отсутствием в языке перевода разработанных полей лексических соответствий.

М. Лавринович применяет в своем исследовании подход, заключающийся в детальном изучении контекста создания перевода. Автор делает это через подробное описание нескольких частных контекстов, которые пересекаются в разных плоскостях. Один из них — сеть патрон-клиентских отношений, в которую был включен предполагаемый автор перевода произведения Хемпеля — А. Ф. Малиновский, служащий Архива Коллегии иностранных дел. Другой — история самого текста, тесно связанного с лицами, с которыми Малиновский был знаком и близок. Еще одним контекстом служит история организации переводов в Архиве Коллегии под руководством Малиновского, которая показывает, как перевод мог осуществляться в XVIII веке в России: на рабочем месте и с привлечением служащих архива, однако вне прямой связи со служебными обязанностями этих чиновников, одновременно как средство дополнительного заработка и как хобби. Представленное М. Лавринович микроисследование переводческого ателье Малиновского в Архиве КИД подчеркивает неопределенность этого занятия и, через историю перевода, иллюстрирует взаимопроникновение разных сфер — частной и служебной — в России изучаемой эпохи.

Заключающая сборник статья Е. Бородиной и М. Тисье показывает, как знание (или, наоборот, незнание) законов может становиться инструментом власти. Екатерина II была противницей публикации судебных решений, поскольку, как она считала, такие публикации открывали путь к интерпретации законов, а значит, по ее мнению, ставили под вопрос их незыблемость. Тем не менее такие издания появлялись в России в царствование Екатерины. Авторы анализируют серию книг под общим заглавием «Театр судоведения», опубликованную в 1790-х годах дворянином Василием Васильевичем Новиковым. Новиков пользовался для этого французским изданием, в котором описывались «*causes célèbres*» (известные судебные дела), подготовленным адвокатом Франсуа Рише, а оно, в свою очередь, во многом было основано на изданной ранее серии Франсуа Гайо де Питаваля. Однако русский компилятор заимствовал тексты и из других книг — например, из сочинений Вольтера или из книги Джона Говарда, изданной по-английски и во французском переводе: из нее Новиков выбрал тексты о состоянии тюрем

в Англии и сопроводил их своим вводным словом, акцентируя внимание на значении для России правильной организации тюрем. Интересно, что этот переводчик, как правило, не воспроизводил с большой точностью текст источника, а довольно вольно пересказывал его, что ставит вопрос о статусе этого издания, находящегося на полпути от перевода к оригинальному сочинению, и хорошо иллюстрирует наш тезис о переводе как самостоятельном произведении. Творчество компилятора выразилось не только в том, что он несколько вольно переводил первоисточник, убирая одни элементы и оставляя другие, но и в самом выборе казусов, которые он решил представить российскому читателю. Выбор этот объясняется, конечно, помимо вкусов компилятора, политическим контекстом России того времени: Новиков, как правило, не случайно не воспроизводил «политические» дела, а обращал внимание на процессуальные элементы, ведь русское издание выходило уже в 1790-х годах, после начала революции во Франции, и издатели существовали в новой атмосфере, когда надзор за книгопечатанием осуществлялся гораздо пристальнее, чем раньше.

*

Несмотря на различные сюжеты и разные научные подходы к изучению перевода, все исследования, представленные в этой книге, объединены осознанием значимости переводческой деятельности для развития русской культуры XVIII века. Изучение культурного перевода, особенностей переводческих практик, социальной истории перевода, истории перевода политических понятий ставит важные вопросы перед историками, философами, филологами и культурологами, открывает перед исследователями новые перспективы в изучении интеллектуальной истории, которые позволяют понять, как человек прошлого осмыслил общество, каким образом разные культуры взаимодействовали в процессе обмена идеями и как формировались новые представления и практики, определявшие историческое развитие русской культуры в Новое время. Во всех текстах этой книги ясно выражены две тенденции: во-первых, понимание общности и взаимосвязи языковых и культурных процессов в Западной Европе и России в эпоху становления современного общества,

во-вторых, широкое понимание перевода как творческого акта, в результате которого переводчик самостоятельно конструирует эквиваленты концептов и лексем переводимого текста, ориентируясь на потребности и смыслы принимающей культуры, и тем самым изобретает новые понятия. Изучение перевода и трансфера идей и понятий позволяет нам вскрыть не всегда очевидные глубинные процессы, происходившие в русской культуре XVIII века, открывая новые пути для понимания прошлого.